

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**СЕНТЯБРЬ
2001**

**ЭЛУЛ
5761**

№ 9 (113)

И УЧЕНИКИ, И УЧИТЕЛЯ

1 сентября начинается новый учебный год. Этот день отмечают как праздник знаний. Поздравляю всех, хороших успехов!

Вскоре после начала учебного года, 18 сентября — по еврейскому календарю это 1 Тишрея — мы отмечаем Рош а-Шона - праздник, с которого берет отсчет новый год еврейского календаря. Рош а-Шона дословно переводится как «Голова Года». Это кульминационный момент, когда евреи, пройдя жизненный путь длиною в год, со всеми своими заслугами и провинностями предстают перед судом Всевышнего. Это праздник веры и надежд, праздник раскаяния и справедливого, милосердного Суда. Мы радуемся Суду, ведь его будет вершить Г-сподь, наш Отец, всегда справедливый и милосердный. Он учтет наше раскаяние. Раскаяние необходимо для человека, оно облегчает душу, ведет к обновлению, а это вызывает радость.

В сознании еврея начало нового года не ассоциируется с чудесами, волшебными дарами. Мы знаем, что есть причины и есть следствия, есть труд и есть заработок - одно неразрывно связано с другим. Скорее здесь напрашивается параллель с началом учебного года: за короткий срок вспоминается пройденное, затем проводятся контрольные работы, чтобы каждый - и учитель, и ученики - смог уяснить, с какого уровня предстоит продолжить обучение, выяснить, где слабые места, сделать выводы, чему впредь уделить больше внимания, наметить цели и как следует взяться за дела.

Самое важное в жизни - это учеба, и многие считают: главное, чтобы дети выучились. Даже при очень скромном достатке люди стараются во что бы то ни стало оплатить учебу детей. Написано в Талмуде, что отец обязан научить сына трем вещам: Торе, ремеслу и плаванию. Плавание - это не вид спорта, а способ выживания. Не умеющий плавать всегда находится в опасности: если что-то случится, он не сможет спастись (а раньше торговым евреям приходилось много плавать морем). У этих трех вещей есть несколько уровней смысла. Тора обеспечивает духовное выживание, плавание - физическое, а человек должен иметь средства для жизни, для этого нужно ремесло. Можно понимать плавание и в переносном смысле - надо научиться плавать по морю жизни, чтоб не утонуть, а гарантией духовного и физического выживания являются соответственно Тора и ремесло.

Еврейский год всегда начинается с учебы, можно сказать, он открывается вступительными экзаменами. От того, как мы их сдадим, зависит наша перспектива - нужна ли она, ни у кого не вызывает сомнений. Обеспечивают ее знания. Как говорят наши мудрецы, знания — это дело жизни.

Любое знание бесконечно: бесконечен Б-г, любая сфера науки, будь то медицина, география и т.д. - они неисчерпаемы. Невозможно достичь абсолютных знаний, их имеет только Б-г. Особенно это касается Торы, которую писал Он сам. Процесс получения знаний бесконечен, и у человека есть все возможности их получать. Имеющиеся возможности надо использовать, чтобы совершенствоваться, продвигаться вперед.

Некоторые люди говорят: я добился, чего хотел, больше мне не надо учиться. Или: я все знаю об этом предмете или о жизни, не надо меня учить. Таким образом человек обрекает себя на жизнь вхолостую. Это позиция ограниченного человека, раба.

Рош а-Шона мы празднуем в Тишрее, и хотя с него начинается календарный цикл, «первым из месяцев» Тора называет Нисан - месяц, когда мы вышли из Египта. И, конечно, не случайно: только свободный человек может совершать поступательное движение, застой - удел раба. Движение без цели, без духовного роста символизирует белка в колесе. Никто не желает такого ни себе, ни детям, ни близким, и Б-г создал человека, чтобы он совершенствовал мир, а не топтался на месте, что невозможно, если не совершенствуешь себя.

Наша учеба в школе, университете - только подготовка к жизни. Знания помогают развитию человека, ориентируют его в отношении других, самого себя, окружающей действительности. Не стремящийся к знаниям, не развивающий свои духовные, мыслительные возможности в старости впадает в слабоумие, маразм, а другой, наоборот, становится мудрей. Еврейская традиция предполагает второй путь, не случайно на иврите слово «зокен» — старик - то же, что «знающий человек».

Конечно, образование - это математика, физика и другие науки, но не менее важно знать человеческие ценности. Только на первый взгляд кажется, что все здесь просто. Здоровый человек, живущий в обществе, должен знать и никогда не забывать, что такое благодарность, уважение, вера в Б-га, должен учиться этому всю жизнь, иначе, даже будучи очень образованным в области наук, он может опуститься.

Если учишь Тору, не гордись, не хвастай этим, а обучай других. Самое лучшее, когда человек имеет учеников. Наши мудрецы говорят: умный тот, кто способен учить. Один человек получает знания и имеет их только как информацию - так, для себя, второй — получает и передает другим, третий, получив знания, осмысляет их и обучает людей. Это самое главное в жизни человека. Одна из главных задач учебы - самому стать учителем. Не надо думать: я еще узнаю и то, и другое, и третье, и четвертое., вот тогда стану делиться своими знаниями. Познать все невозможно. Знания раввина - это знание, как найти ответ. Человек должен так учить Тору, чтобы уметь находить в ней ответы на вопросы, которые перед ним или теми, кто обращается к нему за советом, ставит жизнь. В Торе сокрыто всё знание мира.

Если человек не двигается вперед, он уже двигается назад, все больше отстает, потому что время не останавливается. Остановки в его движении вверх-вниз быть не может: только перестаешь подниматься - тут же начинаешь сползать. Традиция учит нас: то, что не развивается, деградирует. Научиться раз и навсегда, впрок, невозможно. Особенно эта истина связана с изучением Торы и других жизненно важных книг, на мудрости которых основана наша жизнь.

Жизнь еврея очень непроста. Талмуд говорит, что мир зависит от того, учит ли еврей Тору, поднимается ли он в своем развитии. Образно говоря, он всю жизнь шаг за шагом должен подниматься в гору и поднимать за собой мир. Стоит остановиться - тяжесть ноши начинает увлекать его вниз. Чтобы спасти себя, надо поднимать свою ношу. Поднимая свою ношу, спасаешь себя - все взаимозависимо. В такой нелегкой судьбе у нас есть великий Помощник - Всевышний. К сожалению, еще не все это осознают. Без Б-га человек испытывает чувство одиночества, которое иногда доводит его до отчаяния. Но, как сказал пророк Ирмиягу, «полагающийся на Г-спода, Г-сподь будет ему опорой».

Начинающий новый год должен получать новые знания и уметь совершать что-нибудь новое. Учеба - это не только чтение и запоминание, но и стремление к пониманию сути. Ум - не способность человека, а стремление больше знать. Способность в том, например, что один сразу все запоминает, другой должен повторять то же самое десятки

раз. У одного хорошая память, у другого - плохая. Но нет неспособных учеников. Каждый человек создан для того, чтобы учиться. Постигать знания дано каждому психически здоровому человеку.

В Пиркей Овойс сказано: «Если ты многое постиг в Торе, не кичись этим, ибо для этого ты и создан». Человек был создан для изучения Торы. В этом сама идея создания человека.

Новый год - новое состояние в жизни человека. А откуда новое состояние без знаний? Наш календарный год начинается вместе с новым учебным годом: новый путь в жизни начинается с учения.

Многое человеку может быть дано Б-гом. Если Б-гом суждено человеку стать богатым, значит, обстоятельства могут сложиться так, что он разбогатеет. Другое дело, чтобы сохранить и умножить данное, нужны старания. Что касается Торы, все ее богатство человеку дается только трудом. Если он не изучает Тору, то и не постигнет ее знаний. А тот, кто постигает ее только для себя и не обучает других, не применяет эти знания на деле, живет напрасно.

Каждый должен сам найти свой путь в жизни и плавать не только в буквальном смысле в море, но и по морю знаний, морю жизни. Достичь другого берега, чтобы найти корабль и плыть дальше.

Тишею с его Рош а-Шона, днем Суда и Искупления Йом Кипуром, другими прекрасными праздниками предшествует Элул - особенный месяц, когда открываются небесные ворота и Г-сподь выходит нам навстречу, чтобы выслушать все, что мы захотим ему сказать. Это встреча близких. Целый год мы хлопотали, трудились, жили в заботах и суете. Да, Б-г всегда был с нами - и в будни, и в Субботы, и в праздники. Но сейчас особенный повод для встречи и разговора, и от того, как они пройдут, зависит последующая жизнь.

Мы подводим итоги, принимаем на себя новые обязательства. Это время размышлений, раскаяния и радости, что жизнь возвращается на круги своя, чтобы продолжить вечный круговорот, все больше раскрывая себя. После Йом Кипура наступит чудесный осенний праздник Сук-кос, по окончании его - Симхас Тойра, когда, заканчивая годовой цикл чтения Торы, мы сразу начнем новый: от последней главы «Броха» перейдем к первой - «Брейшис». И это очень символично. Мы снова ученики, и снова учителя.

Áëááí úé dáááéí Dítíéé Ááðé Éáçáð

УРОКИ ТОРЫ

ВАЭТХАНАН

9 Ава – день, когда были разрушены оба Храма. Каждый год в Субботу после этого дня мы читаем в качестве Афторы известный отрывок из пророка Иешаягу: «Утешайте, утешайте народ Мой...» Мидраш говорит, что это в буквальном смысле двойное утешение после утраты двух Храмов. Но разве одного утешения было бы недостаточно?

В первом Храме раскрытие Б-жественного присутствия было куда большим, чем во втором, следовательно, и наша скорбь, и наше утешение по поводу первого Храма уже включают в себя соответствующие чувства по отношению ко второму. Однако Ребе в своей беседе утверждает, что во втором Храме было нечто уникальное, что и по сей день отражается на нашей повседневной религиозной жизни. В основе этого утверждения различие, существующее между двумя путями к Б-гу — через праведность и через раскаяние.

ОДНО УТЕШЕНИЕ ИЛИ ДВА?

Афтора этой недели — первой из так называемых «семи недель утешения» после 9 Ава, начинается со слов: «Утешайте, утешайте народ Мой».

Мидраш объясняет, что это очевидное повторение, которым начинается фраза, подразумевает два повода для утешения после двух трагедий: потери первого и второго Храмов.

Но все не так просто, как кажется на первый взгляд. Что такое утешение? Если на человека обрушилось несчастье, то другой человек, хотя и не в состоянии возместить потерю, тем не менее может поддержать, утешить своего ближнего, проявив сочувствие. А если человек пережил не одну, а две утраты, то и утешать его следует дважды.

Но если утрачены Храмы, утешить можно тем, что взамен двух разрушенных будет построен третий (Радак, Иешаягу). А поскольку первый Храм превосходил второй по уровню Б-жественного раскрытия и по чудесам, которые в нем происходили, то возмещение его утраты будет одновременно и возмещением утраты второго Храма. В первом Храме было все, что во втором и даже больше. Следовательно утешение по поводу утраты первого Храма включает в себя и утешение по поводу утраты второго.

Ответ же заключается в том, что хотя второй Храм по своему абсолютному уровню и уступал первому, он, тем не менее, обладал собственными уникальными достоинствами. Так, фразу «более будет слава последнего дома, нежели первого» Талмуд (Бава Басра, 3а) толкует как относящуюся ко второму Храму, превзошедшему первый по размерам и длительности существования. Вот почему нужны два утешения.

Третий Храм будет сочетать в себе достоинства двух предыдущих (Зогар, ч. 3, 221а).

МИШКАН И ХРАМ

Чтобы понять, в чем заключались уникальные достоинства второго Храма, мы должны сначала понять, чем Храм превосходил Мишкан (шатер Откровения), сопровождавший сынов Израиля в пустыне. И тот, и другой были «жилищем для Б-га», но Храм – постоянным, а Мишкан – временным (Шир а-Ширим Рабба, 1,16; Теилим, 132:14; Шмуэль II, 7:6).

В приведении святости в этот мир прослеживаются два аспекта.

1. Когда святость в материальном объекте очевидна, но при этом она не преобразует сам объект. Так проявляется сила духа, способная насыщать материальные объекты.

2. Когда святость фактически трансформирует материальный объект, и он при этом становится как бы сосудом для святости. Это более высокий уровень раскрытия, при котором духовный свет не просто влияет на физический объект, но внутренне изменяет его.

Мишкан был святым местом. Как сказано: «И сделают Мне Святилище, и буду обитать среди них». Его святость распространялась на завесы, опоры и на землю, на которой он стоял. Но сами эти элементы не являлись источником святости Мишкана. Таким источником было Откровение свыше, бесконечный свет Б-га, сиявший в шатре. Поэтому, когда Мишкан переносили на новое место, предыдущая стоянка утрачивала святость. Ибо святость не была присуща месту как таковому: она сохранялась лишь до тех пор, пока там было Б-жественное присутствие.

Святость Храма в отличие от этого заключалась и в материалах, из которых он был построен. Даже после разрушения Храма, земля, на которой он стоял, была и остается священной (Рамбам, Законы Храма, кон. гл. 6).

В этом внутренний смысл того, что Храм был построен царем Шломо. При нем, говоря языком Зогара, «Луна достигла полноты» (ч. 1, 150а). Солнце дает свет, а Луна его отражает. В духовном смысле Б-г есть источник света, получаемого Землей. Тогда как Мишкан обладал святостью за счет Б-жественного света, святость Храма заключалась и в самих материалах, из которых он был построен, то есть в том, что земные объекты были посвящены Б-гу. Храм был подобен Луне, получающей Б-жественный свет и отражающей его на весь мир.

СВЕТ ОТРАЖЕННЫЙ И ПРОИЗВОДИМЫЙ

Однако нынешнее состояние Луны отличается от того, каким оно будет в Грядущем мире. Сейчас она отражает свет Солнца. Но в Грядущем мире «Будет свет Луны, как свет Солнца» (Иешаягу, 30:26). Она будет сиять не отраженным, но своим собственным светом.

В соответствии с этим два пути очищения и преобразования мира сказываются на его обитателях. Изменения в нас могут быть вызваны светом, идущим Свыше, подобно тому, как ученик обучается у своего учителя. Такой ученик может достичь той ступени понимания предмета, на которой – благодаря своим собственным усилиям – постигнет самую его суть. И все же он по-прежнему останется отражением своего учителя. Он подобен Луне, отражающей свет, пришедший извне.

С другой стороны, мы можем претерпеть изменения, вызванные внутренним светом. Например, когда человек возвращается к Б-гу после того как нарушил Его волю, то не делает этого вследствие какого-то Откровения свыше. Напротив, перед тем как вернуться, он далек от Б-га, и процесс возвращения начинается благодаря внутреннему побуждению. Ибо каждый еврей в глубине своей души хочет выполнять волю Б-га, просто иногда поверхностные побуждения овладевают им, скрывая его истинную природу (Рамбам, Законы о разводе, кон. гл. 2). Сущность еврея в том, что он – часть Б-га. И те изменения, которые происходят в его жизни, когда он возвращается к Б-гу, являются, строго говоря, изменениями глубинными. Он прорывает внешнюю оболочку своих побуждений и открывает Б-жественное начало в самой своей сути. «И увидит всякая плоть разом, что изрекли уста Г-спода» (Иешаягу, 40:5). Человек постигает слово Б-га всей плотью, осознавая истинную суть своего существования. Такой человек подобен Луне в Грядущем мире. Излучаемый им свет происходит от огня, горящего внутри.

СЛОВО, ЗАПОВЕДЬ, ВОЗВРАЩЕНИЕ

Таким образом, можно выделить три этапа: получение света извне, отражение света, генерация света изнутри. Им соответствуют три аспекта иудаизма: Тора, заповеди (мицвойс) и тшува — процесс возвращения, или раскаяния.

Тора – слово Б-га – это свет, идущий свыше. Даже притом, что, изучая Тору, мы объединяемся с ней (Тания, ч. I, гл. 5), она всегда остается источником света, который мы лишь воспринимаем. В процессе обучения мы ничего не добавляем к ней, но лишь пытаемся раскрыть то, что в ней уже заложено.

Исполняя же заповеди, мы одновременно и получаем, и производим свет. Надевая тфилин или цицис, мы превращаем их пергамент и шерсть в священные предметы. Подавляя собственное «я» перед волей Всевышнего, мы очищаем мир: «Заповеди были даны лишь для того, чтобы через них очистились все создания» (Мидраш, Брейшис Раба, нач. гл. 44). В то время как Тора существует сама по себе, заповеди нуждаются в партнере – человеке. Тора, хотя и говорит о материальном мире, не проникает в него. Исполнение же заповедей подразумевает наличие материальных объектов и физических действий, с их помощью и преобразуется структура мира. Тора подобна «свету дня» (Мишлей, 6:23 – «Ибо заповедь – светильник, а Тора – свет»), который освещает объект, не изменяя его (Тора Ор, 87б). Но заповеди подобны «свету лампы», в которой фитиль и масло, сгорая, превращаются в пламя.

Тем не менее, заповеди – это все равно лишь отраженный свет. Прежде всего, они не существуют без слова Г-спода, который их заповедал. Но для баал тшува – человека раскаивающегося, возвращающегося к Б-гу, слово Г-спода недоступно, и он возвращается благодаря внутреннему пламени, не отделимому от источника света.

Исполняя заповеди, еврей освящает только разрешенное ему (Мидраш Шабос, 28б). Тогда как своей тшувой (возвращением) он освящает всю предыдущую жизнь, прожитую неправильно, то есть такую, в которой господствовали запрещенные действия (Йома, 86б. Дерех Мицвосехо, 191а.). И его предыдущие грехи становятся его заслугами. В этом уникальная особенность процесса возвращения – освящается не только часть пути, но весь жизненный опыт.

ВТОРОЙ ХРАМ

Теперь мы можем понять особое значение второго Храма.

В период первого Храма евреи жили, подчиняясь заповедям Б-га, в целом находясь на уровне праведности. И озарявший мир свет такой жизни был отражением воли Б-га.

Второй Храм существовал во времена возвращения и раскаяния. Мир был освящен изнутри благодаря духовным ресурсам еврейского народа. И здесь важно, что приказ о его строительстве был отдан Киром, царем Персии – не евреем.

Вот почему нам нужны два утешения: «Утешайте, утешайте народ Мой». Ибо каждый из Храмов обладал уникальными достоинствами. Проявление Б-жественного присутствия в первом было сильнее, но во втором – более глубинным. Они проистекали из самого строения материального мира. Поэтому Талмуд (Бава Басра, 3а) говорит, что величие второго Храма заключалось в его размерах (пространство) и длительности существования (время). Ведь второй Храм черпал свою святость из усилий самого человека очистить свой ограниченный мир, а не от Б-га, который выше пространства и времени.

Утешением будет третий Храм, в котором соединятся свет, идущий свыше, со светом, идущим изнутри.

ЧТО МОЖНО И ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ПОТЕРЯТЬ

Внутренний смысл Торы отражается в Алохе (еврейском законе).

Мы видим, что земля Израиля в период первого Храма обладала большей святостью, чем в период второго. Возьмем лишь один пример: когда Рош а-Шона выпадал на Субботу, во времена первого Храма в шофар трубили по всей стране, а во времена второго – только в Храме (Рош а-Шона, 29б; Ликутей Тора, Рош а-Шона, 57). С другой стороны, земля Израиля с разрушением первого Храма утратила часть своей святости, но с разрушением второго – нет (Рамбам, Законы Храма, гл. 6). Законы, связанные с землей Израиля, показывают, что первый Храм сообщал ей святость более интенсивную, тогда как второй – более постоянную. Это можно сравнить с двумя парами Скрижалей, на которых Моше получил Десять заповедей. Первые Скрижали являли собой большее чудо, но были разбиты. Вторые же – сохранились.

Подобно этому первый Храм придавал большую святость Израилю, но с его уничтожением она исчезла. Святость земли, которую ей придавал второй Храм, сохраняется навеки.

Читая Афтору этой недели «Утешайте, утешайте народ Мой», мы вспоминаем не только то, что было утрачено, но и то, что сохранилось. Поколение праведников может принадлежать и прошлому, и будущему, но поколение тшувы – возможность сегодняшнего дня. Оно – вечное наследие второго Храма. Реализуя эту возможность, мы приближаем времена третьего Храма – двойного и окончательного утешения.

ЭКЕВ

На этой неделе мы читаем вторую Афтору утешения – вместе с первой это два проникновенных отрывка из Книги Иешаягу, в которых говорится о надежде и утешении Израиля в мрачные времена утраты Храма. Мидраш разъясняет нам их

различия. В первой Г-сподь успокаивает людей через пророков. Но евреи ищут поддержки самого Б-га. Об этом и идет речь во второй Афторе.

Между главами Ваэтханан и Экэв, особенно между содержащимися в них отрывками молитвы «Шма» (соответственно первым и вторым) тоже есть существенное различие. И в беседе Ребе обнаруживается связь между различиями Афтор и глав, в основе которой различия между двумя типами откровений – теми, что открываются человеку извне, и приходящими изнутри. Их значение для современности очевидно: мы узнаем, какую форму должна принять наша духовная жизнь в период, когда Б-жественное Откровение не снисходит более на нас, Г-сподь сокрыт, и мы должны обнаружить его в себе.

УТЕШЕНИЕ: ПРОРОКИ И Б-Г

Афтора этой недели – второй из «Семи недель утешения», представляет собой отрывок из Книги Иешаягу, начинающийся со слов: «И сказал Сион: “Оставил меня Б-г, и Г-сподь забыл меня!”» Мидраш говорит о том, что это – продолжение темы предыдущей Афторы: «Утешайте, утешайте народ Мой». В том, первом послании утешения, Б-г указывает пророкам, что они должны утешать еврейский народ. На это Израиль отвечает: «Г-сподь оставил меня». Иными словами, народ ждет не голоса пророков, но утешения самого Б-га.

Каждый год эти Афторы читаются соответственно, вместе с недельными главами Ваэтханан и Экев. Следовательно, если Афторы связаны этой общей темой, она же объединяет и обе недельные главы. Ваэтханан должна косвенно говорить об утешении через пророков, а Экев – о том, что народ Израиля требует утешения непосредственно от Г-спода.

«ШМА»

Две недельных главы существенно различаются по своему содержанию, и различие в расстановке указанных акцентов не сразу заметно. Но есть между главами и очевидная связь: первый отрывок молитвы «Шма» можно найти в главе Ваэтханан, второй – в Экев. Ясно, что эти отрывки связаны между собой. В них много общих идей, но они и различаются по ряду моментов. Здесь мы и найдем отзвук различий между двумя Афторами и двумя типами утешения.

КОНТРАСТЫ

Вот несколько различий между первым и вторым отрывками «Шма».

– В первом нам, каждому индивидуально, заповедано: «Люби Б-га Всесильного твоего всем сердцем своим и всей душою своей, и всем существом своим» (Ваэтханан, 6:5). А во втором к нам – как сообществу – обращена только фраза «всем сердцем своим и всей душою своей» (Экев, 11:13). Слова «всем существом» опущены.

– В первом отрывке нам сказано: «И повторяй их сынам своим, и произноси их...» (6:7), а затем «И повяжи их как знак на руку свою...» (6:8). Во втором же порядок обратный – вначале: «И повяжи их как знак на руку свою...» (11:18) и лишь затем: «И учите им сыновей ваших» (11:19). Заповеди следуют за предписанием об изучении Торы в первом отрывке и предшествуют ему во втором.

– Первый отрывок содержит только предписания, а во втором указаны связанные с ними награды («Дабы продлились дни ваши...» – 11:21) и наказания («чтобы не возгорелся гнев Б-га на вас...» – 11:17).

ГЛУБИННЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Как отмечает Раши (Дворим, 11:13, и Сифри на это место), основная разница между этими отрывками состоит в том, что первый, целиком написанный в единственном числе, адресован отдельной личности, то есть каждому еврею, а второй, использующий множественное число, обращен к народу Израиля как к общине.

Это относится к общей заповеди о любви к Б-гу. Кроме того, конкретные заповеди о тфилин и мезузе, встречающиеся в обоих отрывках, также сообщают нечто новое, когда приводятся во второй раз. По словам Раши (там же, т.18), дополнительное значение заключено в том, что «даже после того, как вы изгнаны, отличайте себя от других народов, исполняя Мои заповеди: накладывайте тфилин и прикрепляйте мезузы, чтобы это не оказалось для вас чем-то новым по возвращении».

И наконец, есть нюанс, который отличает две заповеди о распространении знания Торы. «И повторяй их» (6:7) – версия первого отрывка относится к обязанности учителя перед учениками (Раши, там же, 6:7). «И учите им ...» (11:19) – вариант второго отрывка говорит об обязанности отцов по отношению к детям (Сифри, Раши; Кидушин, 29б).

СВЫШЕ И ИЗНУТРИ

Все эти различия проистекают из одного: глава Ваэтханан говорит об Откровении и спасении свыше, по милости Б-га. Так, она начинается просьбой Моше к Б-гу о милосердии – чтобы ему было разрешено войти в Землю Обетованную. Ибо Моше был посланником Б-га, посредством которого были свершены сверхъестественные события Исхода и периода пустыни. Если бы ему было разрешено вести народ через Иордан, то завоевание Земли Израиля тоже должно было быть сверхъестественным событием, а не рядом военных побед.

Глава же Экев говорит о положении человека и Откровениях свыше, которых он добивается своими поступками. Поэтому она начинается с того, чего он сам может достичь и каким образом. «И будет за то, что слушать будете вы законы эти...» (7:12). Даже ее название Экев – «за то, что» – имеет на иврите дополнительное значение «пятка», то есть самая нижняя и наименее чувствительная часть конечности, – символ материальной природы человека, которую он может изменить, прислушиваясь к слову Б-га.

Это различие отражено и в подборе глаголов в начале глав. В главе Ваэтханан Моше просит: «Дай мне перейти, и увижу я эту хорошую страну...» (Дворим, 3:25), а в главе Экев Б-г говорит: «Если послушаетесь заповедей моих» (11:13). «Видеть» – описание того сверхъестественного видения, которым Б-г награждает в моменты милосердия. «Слышать» – относится к более удаленному и менее явственному восприятию духовного, до которого человек может прийти своими собственными усилиями.

СЛЫШАТЬ И ВИДЕТЬ

Увиденное воспринимается сильнее и ярче, чем услышанное (Рош а-Шона, 26а). Причем сила и ясность впечатления больше зависят от увиденного, чем от того, кто увидел. Этот точно определенный объект, воспринимаемый зрением, может и не повлиять на того, кто его видит. Но если человек стремится услышать об этом, его чувства уже возбуждены, и он становится намного восприимчивее к тому, о чем хочет услышать. Таким образом, услышанное может дойти до глубины его души.

Это относится и к различию между главами Ваэтханан и Экев. Хотя «видение», которого Моше добивался у Б-га, несло с собой большую степень откровения, чем «слышание», на которое были способны и сами евреи, оно (видение) все же было способно оказать менее глубокое воздействие, ибо приходило к человеку извне, вместо того чтобы взрасти в нем.

В соответствии с этим изменилось бы и влияние на мир. Через Моше благодаря Б-гу у противостоящих Израилю народов полностью исчезла бы враждебность к евреям: «оробели все жители Кнаана. Нападет на них страх и ужас...» (Шмойс, 15:15,16). Но благодаря верности Б-гу самих евреев произошли бы большие и более глубокие изменения: «Благословен будешь ты более всех народов» (Дворим, 7:14), то есть даже враги Израиля благословят и восхвалят его.

ЧАСТНОЕ И ОБЩЕЕ

Другое различие между двумя чувствами восприятия состоит в следующем: зрение – это только одна из физических функций, слух же затрагивает всего человека: его интеллект – стремление понять заповедь Б-га, его волю – сознательное решение следовать ей и, конечно, его практические функции, когда намерения становятся поступками.

Это отражает еврейский закон. Если некто виноват в том, что другой ослеп, он должен компенсировать потерю глаза. Но если речь идет о потере слуха, то виновный должен компенсировать пострадавшему всю ценность его жизни, как если бы человек лишился всех своих функций (Бава Кама, 85б. Шулхан Орух, Хошен Мишпат, 420:17, 25).

ДВА ОТКРОВЕНИЯ И МОЛИТВА «ШМА»

Теперь мы можем проследить все существующие различия между отрывками «Шма» вплоть до их источника.

Первый отрывок относится к главе Ваэтханан, касающейся Откровений свыше, которые символизирует зрение. Второй взят из главы Экев, говорящей об откровениях внутренних, что уподоблены слуху. Так, первый отрывок адресован каждому в отдельности, поскольку говорит об Откровении единого Б-га, пробуждающем цельность в человеке. Такое видение бесконечности заставляет человека неустанно стремиться выйти за пределы своих земных рамок. Вот почему добавлено «всем своим существом».

Второй отрывок, относящийся к человеку, находящемуся в его жизненной среде, обращен ко всей общине и использует множественное число, подчеркивая все разнообразие человеческих сил и возможностей. Любовь к Б-гу, которую человек достигает сам, глубоко укореняется в его душе («всем сердцем вашим и душой вашей»). В ней нет того яростного стремления подняться над миром, которое представлено словами «всем своим существом». Первый отрывок, следовательно, ставит изучение Торы (слова

Б-га) перед заповедью о тфилин и мезузе (действия человека). Второй же начинает с человека и движется к Б-гу, расставляя то же в обратном порядке.

Первый отрывок также не содержит никаких упоминаний о награде и наказании. Ведь перед лицом Б-га человек не нуждается ни в каких иных побуждениях исполнять Его волю. Но когда человек только начинает путь к Б-гу, ему вначале необходима мотивация (награда или наказание), которую он сам смог бы понять.

ВЕРА В ИЗГНАНИИ

Несмотря на эту уступку человеческой слабости именно здесь, во втором отрывке, мы находим упоминание о соблюдении заповедей «даже после изгнания». Ведь первый отрывок отражает то состояние души, при котором изгнание может отбить желание подчиняться Закону или даже полностью лишит силы заповеди Б-га. Если желание подчиняться Его воле основано только на созерцании Его присутствия, то, когда это присутствие сокрыто за темными облаками изгнания, и желание тоже исчезает. Когда же оно возникает в самом человеке, то сохраняет свою силу даже в изгнании.

Это внутреннее откровение сохраняется независимо от того, освещено или сокрыто тьмой лицо Б-га, обращенное к миру. Поэтому откровение должно быть передано не только видевшим свет, то есть «ученикам», но всем и каждому, то есть «детям».

ИСТИННОЕ УТЕШЕНИЕ

И наконец, мы видим связь между двумя видами откровения, представленными соответственно в главах Ваэтханан и Экев, и двумя типами утешения в Афторах этих глав.

Откровению, приходящему к человеку извне, не хватает высшей степени глубинности. Вот почему Афтора главы Ваэтханан «Утешайте, утешайте народ Мой...» описывает косвенное утешение – то, которое приходит через пророков. Афтора же главы Экев отражает попытку человека прорваться к Б-гу изнутри. Ее начальная фраза драматично передает всю безысходность положения: «А сказал Сион: “Оставил меня Б-г, и Г-сподь забыл меня!”». Несмотря на это здесь присутствует внутренняя глубина, при которой утешения пророков недостаточно. Поэтому, как говорит мидраш, Б-г уступает просьбе евреев, соглашаясь: «Иерусалим, нищий, измученный тяготами, не знающий утешения!..» (нач. Афторы главы Ръэ). И Он объявляет: «Я, Я – утешитель ваш!» (нач. Афторы главы Шофтим), обещая непременно послать нам истинное и полное утешение во времена Мошиаха.

РЪЭ

Эта беседа ярко иллюстрирует важную мысль о природе философии хасидизма, который не существует в отрыве от алохических рассуждений Торы и не является просто дополнением к ним. Скорее, он лежит в самой сердцеvine Торы, освещая ее разделы. Именно поэтому, разбирая на первый взгляд незначительную алохическую проблему, мы углубляемся в нее все дальше и дальше, пока в конце концов – совершенно неожиданно и тем не менее неизбежно – не приходим к основополагающей истине хасидизма. Проблема этой недельной главы связана с законом о городе, впадшем в идолопоклонство.

Один из вопросов, сразу возникающих при ее чтении, связан с тем, что наказание такого города связано с коллективной виной, распространяющейся даже на невинных людей, живущих на территории этого города.

Второй вопрос связан с мнением Рамбама, который считает, что, если город раскаялся в грехе, коллективная вина снимается. Однако в иудаизме существует правило, согласно которому раскаяние способно спасти человека от Б-жественного наказания, но не от людского суда. Мнение Рамбама представляет собой единственное исключение из этого правила. На чем основано его мнение? В поисках ответов на эти вопросы мы приходим к пониманию глубин еврейской души, ее цельности и духовного потенциала.

ГОРОД ИДОЛОПОКЛОННИКОВ

Недельная глава Ръэ приводит законы, действующие в отношении города в Святой Земле, если он запятнал себя идолопоклонством: «Если услышишь ты, что в одном из городов твоих, которые Б-г, Всесильный твой, дает тебе, чтобы жить там, выступили люди негодные из среды твоей и совратили жителей города своего, говоря: “Пойдем и будем служить богам иным, которых вы не знали”, – а ты выяснил, и исследовал, и расспрашивал хорошо, и оказалось, что верно это, совершена мерзость в среде твоей, – то перебей жителей того города острием меча, уничтожь его и все, что в нем, и скот его острием меча. А всю добычу его собери на средину площади его, и сожги огнем город и всю добычу его полностью, – это угодно Б-гу, Всесильному твоему, – и да будет он навеки грудой развалин, не будет он отстроен заново» (Дворим, 13:13-17).

Эта глава всегда читается в Субботу, в которую мы благословляем наступающий месяц Элул, или же в ту, что совпадает с началом самого Элула (Новомесячием).

Элул – месяц Б-жественного милосердия и прощения, время, когда доминирует идея тшувы – возвращения к Б-гу и ухода от греха. Таким образом, именно в главе Ръэ мы находим не имеющее аналогов утверждение о силе и возможностях тшувы.

Согласно общему правилу акт раскаяния и возвращения к Б-гу влияет лишь на Б-жественное правосудие, но не на решения суда людского. Этот принцип содержится в Талмуде (Макос, 13б) и гласит: «Те, кто заслуживают наказания “корес” (кара Небес – отсечение души от ее источника), если они раскаялись, то небесный Суд им прощает. Но те, кто осуждены на смерть по приговору суда человеческого, даже если они раскаялись, суд земной не вправе простить их». То же относится и к менее суровым наказаниям: раскаяние не влияет на приговор человеческого суда. Причина в том, что с тшувой сопряжены изменения, происходящие в сердце человека (Тания, ч.1. гл. 29), следовательно, они вне сферы рассмотрения судьями, способными оценивать лишь видимые, объективные факты (Нода бе-Йегуда, Орах Хаим, Маадур Кама, гл. 35).

Тем не менее, согласно мнению Рамбама (Авода Зора, 4:6), наказания, которых заслуживает город, впавший в идолопоклонство, – истребление жителей и сжигание имущества – отменяются, если люди раскаялись в коллективном грехе. Это – уникальный случай, когда раскаяние влияет на приговор земного суда.

Кесеф Мишне, один из комментариев на Рамбама, объясняет его мнение следующим образом. Смертный приговор может быть вынесен отдельному человеку, который перед тем, как совершить запрещенное действие, был предупрежден, что

осуществление такого намерения карается смертью. Однако в случае с городом, впавшим в идолопоклонство, предупреждение об опасности такого поведения адресуется коллективу – обращено к народу в целом. Следовательно, обычное требование об индивидуальном предупреждении не может быть выполнено, а посему раскаяние влечет отмену наказания.

Тем не менее в этом объяснении не хватает главного. Ведь причина, по которой раскаяние не влияет на решения человеческого суда, заключается не в отсутствии или наличии предупреждения. Она – в том, что люди не в состоянии читать в сердцах других людей, чтобы понять, искренне ли выражение их раскаяния. Почему же тогда этот принцип неприменим здесь в отношении города, впавшего в идолопоклонство? Почему раскаяние имеет такую силу только в этом случае? К тому же Рамбам указывает, что в данном случае люди подлежали наказанию и лишь впоследствии заслужили прощение раскаянием.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОЛЛЕКТИВНАЯ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ

Рогачевский Гаон (Цофнас Панаех, Ваера, с. 74) объясняет позицию Рамбама иначе. По его мнению, Рамбам не утверждает, что раскаяние влечет за собой всеобщее прощение; оно лишь превращает коллективный грех в индивидуальный. Закон о городе, впавшем в идолопоклонство, предусматривает коллективную ответственность. Наказанию подлежат даже невинные члены семей идолопоклонников, даже имущество праведников, живущих в таком городе (Рамбам, там же, 4:6-7). Но если жители города раскаялись в своих поступках, то они подлежат суду каждый в отдельности, индивидуально. При этом ни один невинный не несет наказания. Наказываются лишь идолопоклонники, и раскаяние не меняет вынесенный им приговор.

И снова главный вопрос остается нерешенным. Ведь раскаяние имеет место после проступка. Отсюда следует, что между действием и раскаянием существует период, когда в полной мере действует принцип коллективной ответственности жителей. Как могут изменения в сердце человека, невидимые ни для какого земного судьи, оказывать ретроактивное действие и приводить к уменьшению ответственности или к смягчению приговора?

РАЗРУШЕНИЕ СОДОМА.

Где в тексте Торы Рамбам находит основание для своего утверждения? Рогачевский Гаон считает таким основанием разрушение Содома, города, впавшего в идолопоклонство. Прежде чем покарать его, Б-г говорит: «Сойду же и посмотрю: если по мере дошедшего до меня вопля поступали они – тогда конец!» (Брейшис, 18:21). Эта фраза не может означать буквально, что Вездесущий должен проверять дошедшие до Него слухи. Ее следует понимать так, что Б-г посмотрит, раскаялись ли жители, и, говоря словами Таргума (перевод Торы на арамейский язык), «если они раскаялись, то Я не накажу их».

Это, безусловно, пример того, как городу идолопоклонников дана возможность заслужить прощение раскаянием. Единственное обстоятельство, не позволяющее считать это прецедентом, на котором основан взгляд Рамбама, заключается в том, что эти события произошли до дарования Торы на Синае. Существует общее правило, гласящее: «Мы не выводим законы на основании событий, происшедших до Дарования Торы» (Иерусалимский Талмуд, Моэд Котн, 3:5). Кроме того, Содом был наказан Судом небесным.

ГРУППА И ОБЩИНА

Есть еще одна трудность, связанная со статусом города-идолопоклонника.

Еврейский закон знает несколько видов казни по приговору суда. Существует правило, согласно которому человек, подлежащий двум различным видам казни за два различных преступления, осуждается на более суровую или мучительную казнь (Сангедрин, 81б; Рамбам, Законы Сангедрина, 14:4).

Однако в случае с городом идолопоклонников его жители подлежат коллективному наказанию в виде относительно безболезненной смерти, в то время как поклонявшийся идолам индивидуально подлежит казни более жестокой, побитием камнями (Сангедрин, 111б; Рамбам, Авода Зора, 4:1-2).

Можно обозначить эту проблему острее. Пока большинство жителей города не начали поклоняться идолам, понятие коллективной вины неприменимо. Каждый идолопоклонник в этом случае виновен лично и, следовательно, подлежит суровой казни. Но когда этот грех совершает человек, из-за которого меньшинство жителей становится большинством, он тем самым переводит город в категорию города-идолопоклонника, что влечет менее суровое наказание. Но как может один дополнительный акт греха облегчить ответственность, которой уже подлежали другие грешники?

Мы вынуждены заключить, что данный момент – когда большинство жителей города становятся идолопоклонниками – создает новую сущность в виде общности, объединенной грехом. С точки зрения закона, группу, состоящую из отдельных лиц, заменяет единое целое. При этом происходит не уменьшение индивидуальной ответственности, а прекращение ее действия. Возникает новая ситуация, когда всех судят как одно целое.

Вот почему наказание для города, впавшего в идолопоклонство, столь всеобъемлюще и распространяется даже на невинных членов семей идолопоклонников (если только они не убежали в другой город) и на собственность праведного меньшинства. Хотя индивидуально их не в чем винить, они тем не менее являются частью общины, подлежащей суду как единое целое.

По той же причине Рамбам берет эпизод с Содомом как прецедент, несмотря на то что он произошел до Синайского Откровения. Ибо то, что он пытается объяснить, представляет собой не законотворческую, а концептуальную проблему, а именно: различие между группой людей и общиной. Несмотря на то что данное различие влечет за собой законодательные последствия, само по себе оно не является частью закона и, следовательно, может быть объяснено на основе событий, предшествовавших дарованию Торы.

И наконец, мы видим, как раскаяние (в интерпретации Рогачевского Гаона) способно отменить коллективную ответственность, после чего подлежащей наказанию остается только личная вина. Действительно, тшува не в силах повлиять на приговор земного суда. Наш вопрос здесь не касается напрямую нюансов закона. Мы рассматриваем проблему: считаются идолопоклонники единым целым или отдельными личностями? Суть вопроса не в том, как применить закон, но какой именно закон следует

применить. На эту суть и влияет раскаяние. Оно меняет не столько наказание, сколько обстоятельства дела.

ЕДИНСТВО ЕВРЕЙСКОЙ ДУШИ

И все-таки мы пока не решили проблему, а лишь сместили в ней акценты. Земные судьи могут иметь дело только с известными им фактами, а не с чувствами в сердцах других людей. Если раскаяние меняет обстоятельства дела, то как судьи могут установить эти обстоятельства, как им отличить настоящую тшуву от неискренней?

Мы должны пойти дальше и понять внутренний смысл закона о том, что земной суд не вправе прощать виновного на основании его раскаяния.

Этот смысл в том, что под социальную юрисдикцию подпадают действия, ошибочность которых не зависит от чувств. Соответственно, следующее за такими действиями раскаяние не может их исправить. Но деяние, совершенное городом, впадшим в идолопоклонство, иное по своей природе. Оно по сути своей связано с чувствами идолопоклонников, и, следовательно, на него влияют происходящие в душе изменения.

Объяснение таково: еврейский народ способен на достижение особого вида единства – сущностного единения, потому что источником еврейских душ является Б-г – то есть абсолютное Единство. Хотя это единство духовного порядка, оно порождает в дополнение и физическое единство: «кто подобен народу Твоему, Израилю, народу единому на земле?». Именно это единство находит отражение в законе о городе, впадшем в идолопоклонство, когда единство общины создает коллективную ответственность – настолько сильную, что она включает даже городское имущество.

Но это кажется странным. Ведь идолопоклонство – полная противоположность воле и единству Б-га. Оно окутывает душу мраком, разрушает ее целостность. Как же оно способно породить подобное единство?

Парадокса здесь нет. Именно потому, что еврейская душа есть часть самого Б-га, ее свобода воли не имеет границ. Еврей может настолько далеко уйти от своей истинной природы, что начнет служить идолам и отрицать свою веру (Ликутей Тора, Эмор, 38б; Тания, ч. 1, кон. гл. 18; Рамбам, Законы о тшуве, нач. гл. 5). Но даже в этом тяжелейшем из грехов проявляется особый характер его души и сила ее единства.

Во всех других грехах, которые еврей может совершить и за которые он несет ответственность перед судом своих братьев, можно выделить два различных вида ущерба, которые он должен возместить: ущерб, нанесенный им своей душе, и ущерб, нанесенный миру. Раскаяние возмещает первый, наказание – второй. Эти два вида полностью разделены, и одно не влияет на другое.

Однако вся суть города-идолопоклонника – в коллективном участии, которое затрагивает даже невинных жителей и неодушевленные предметы. Это единство – духовное, и нанесенный ущерб – духовного порядка. Следовательно, и исправление духовное – это раскаяние.

Наказание исправляет ущерб, нанесенный миру. Но «мир» города, впадшего в идолопоклонство, – соседи, скот, собственность, полностью связан с единством душ его

обитателей. Он всецело подчинен духовности, пусть даже проявляющейся в грехе. Вот почему в этом и только в этом случае в городе, население которого из группы людей превратилось в общину, раскаяние исправляет даже то, что подвластно земному суду.

ШОФТИМ

В этой главе мы читаем о городах-убежищах, куда мог скрыться совершивший непреднамеренное убийство человек и где он мог раскаяться. Месяц Элул, на который всегда приходится эта глава, во времени является тем же, чем города-убежища являлись в пространстве. Это - месяц святости и раскаяния, время, когда человек может, отвернувшись от проступков прошлого, полностью устремиться к новому, освященному будущему. Глава говорит о важной особенности таких городов: они могли существовать только в земле Израиля несмотря на то, что судьи и судебные исполнители, обеспечивающие соблюдение Закона Торы, назначались повсюду, где жили евреи. Почему же законы действуют везде, а подобное убежище существует только на Святой Земле? И как это связано с месяцем Элулом – нашим духовным убежищем во временном пространстве еврейского календаря?

СУДЬИ И УБЕЖИЩЕ

Известно, что Элул в хасидской философии сравнивается с городом-убежищем.

Комментарий Сифри (цитируется у Рамбама, Сефер а-Мицвойс, предписывающая заповедь 176) так объясняет первую фразу главы «Судей и надсмотрщиков поставь себе во всех вратах твоих»: это применимо ко «всем местам проживания твоего», включая и те, что вне Израиля. И продолжает: кто-то может подумать, что города-убежища могут существовать и за территорией земли Израиля; поэтому Тора использует ограничительный термин – «Эти города-убежища», чтобы подчеркнуть, что они находились только в пределах Святой Земли.

Тем не менее, Сифри говорит, что человек, совершивший непреднамеренное убийство за пределами Израиля и пришедший в город-убежище, обретет там неприкосновенность. Значит, сами города, а не люди, которых они защищали, должны были быть на территории Израиля.

Сам факт, что Сифри сравнивает «судей и надсмотрщиков» с городами-убежищами, говорит о связи между ними. Вот в чем она заключается: судьи, применяющие закон, и надсмотрщики, исполняющие приговоры, стремились не покарать, а как бы очистить виновного. И цель городов-убежищ в том, чтобы обеспечить беглецу искупающее его изгнание. Искупление здесь – раскаяние, которое стирает преступление вплоть до восстановления изначальной близости человека к воле Б-га. Мы могли бы решить, что если это убежище, это место искупления существовало в святой атмосфере земли Израиля, то тем более оно необходимо за ее пределами, где легче впасть в грех. Тем не менее, за пределами Израиля существовали только судьи и надсмотрщики – исполнители закона, но не предоставленное законом убежище.

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Есть две фазы тшувы: сожаление о содеянном и желание не повторять ошибок в будущем (Макос, 10б). Они неразрывно связаны. Ведь единственное доказательство искренности сожаления – это стремление впредь вести себя лучше. Сокрушаться о прошлом, не меняя поведения, – пустое.

Вот почему убежища находились только в Израиле. Человек не мог полностью очиститься, оставаясь в окружении, приведшем его к греху. Он мог испытывать угрызения совести, но не порвал бы со своим прошлым. Чтобы сделать этот решающий шаг, он должен был идти в Землю Израиля, то есть к святости. И там, на Святой Земле, его решимость стать лучше могла обрести почву.

Судьи, однако, могли назначаться и вне земли Израиля, потому что в Пиркей Овойс (2:4) сказано: «Не суди ближнего твоего, пока не окажешься в его положении». Суд, находящийся на территории Израиля, не может знать об искушениях и испытаниях, существующих за его пределами, о том, как трудно сохранять веру в изгнании. Земля Израиля – это место, где «Глаза Б-га, Всесильного твоего, на ней от начала года и до конца года» (Дворим, 11:12). Это – земля Б-жественного милосердия. Нельзя судить по ее законам человека, не живущего под ее защитой. Поэтому судьи тоже должны были находиться в том же окружении, что и обвиняемый. Они должны были не просто знать, что человек совершил, но и сами испытать действие обстоятельств, которые его к этому привели.

Однажды во время йехидус (частной аудиенции) у Мителер Ребе (второй Ребе Хабада) человек, с которым Ребе беседовал, попросил его помочь исправить нечто ужасное, совершенное им, и из-за этого пришлось прервать аудиенцию на некоторое время. Ребе объяснил, что прежде чем помочь кому-либо исправить грех, человек, пытающийся помочь, должен сначала обнаружить в себе аналогичные качества и побуждения, пусть и на сколь угодно возвышенном уровне. Для того и была прервана беседа: Ребе пытался найти в себе то, что позволило бы ему отождествить себя с грешником.

Именно этот принцип положен в основу приказа, данного Б-гом Моше, когда евреи сделали золотого тельца: «Иди вниз, ибо растлился твой народ» (Шмойс, 32:7). В тот момент Моше находился на священных высотах горы Синай, без еды и питья, полностью отрешенный от мира. Евреи же опустились из-за своего греха. Говоря «твой народ», Б-г создает между Моше и евреями связь, на основании которой Моше обретает способность просить за них.

УБЕЖИЩЕ И ГРЕХ

Хотя все города-убежища должны были находиться в земле Израиля, не все они располагались в одной области. Три города были собственно в Израиле, на Святой Земле, три – на территории Транс-Иордании, где «человекоубийство было распространено» (Макос, 9б). Во Времена Мошиаха, «когда расширит Б-г, Всесильный твой, границы твои» (Дворим, 19:8; Иерусалимский Талмуд, Макос, 2:6), еще три города появятся на новых территориях.

Это значит, что каждому уровню духовности будет соответствовать свое убежище: от относительно незаконной Транс-Иордании до Святой Земли и далее до мира Грядущего. Это верно как в географическом, так и в духовном смысле. На каждом этапе

религиозной жизни человека возможны срывы, для которых должны быть убежище и искупление. Даже если человек никогда не нарушает волю Б-га, он, возможно, все равно не выполняет всего, что в его силах, чтобы еще больше приблизиться к Б-гу. В этом и есть назначение месяца Элул. Это время самоанализа, когда каждый должен спросить себя, достиг ли он всего, что мог достичь (Ктубос, 67а, 104а; Сота, 13б). А если нет, то он должен раскаяться и стремиться к тому, чтобы более полно реализовать себя в будущем. Бизнесмен и посвятивший себя Учению, тот, кто просто жил в реальном мире, и тот, кто проводил свои дни в шатрах Торы, – оба должны превратить Элул в период самоанализа и духовного убежища.

В Западном мире Элул, как правило, – разгар лета, месяц каникул, беззаботного отдыха. А должно быть совершенно наоборот. Это прежде всего время для самопознания, для того, чтобы изменить свою жизнь. И подходящим местом для этого является город-убежище на Святой Земле, что для нас означает – в месте, где учат Тору. Каждый еврей должен в месяц Элул или хотя бы в последние его 12 дней, начиная с 18-го числа (каждый из последних 12 дней Элула будет соответствовать месяцам прошедшего года – Хай Элул, 5703, с. 42), или, по крайней мере, в те дни, когда говорят Слехос (в ашкеназских общинах это делают, начиная с воскресенья той недели, на которую выпадает Рош а-Шона), сделать своим убежищем место, где учат Тору.

Убежище – место, куда человек бежит, чтобы, оставив прошлую жизнь, начать новую. Элул – это похороны прошлого во имя лучшего будущего. И это обязательная подготовка к Рош а-Шона, изобилию и процветанию в следующем году.

ТАИНСТВО БРАКА

Éîîáô Béîáîîí

Í àñòíýùèá

«Àì áðèèáíîèèá ñðèè»: ðíì áí òèèà, èþáíáíî ñîðòù è, íàèííáá,

íò÷áæääííîðü

Á èàæääíì ííèíèáíèè áúáàèè ñîáò÷èèè,

ðáèíì áí áíáááèèá

ñîíðóáíî ðáçáíîèèíü

à èíúáääæáíáíýáèýèè

æáíèòà ì áðòáíì!

Если Б-г совершенен, как утверждает иудейская религия, что побудило Его создать вселенную? Какую пустоту хотел Он заполнить?..

Еврейский мистицизм отвечает на это так: Б-г желал, чтобы состоялся брак. Для брака необходим кто-то, принципиально отличающийся от тебя самого, с кем ты поделишь свою жизнь, и это будет союз мужа и жены. Б-г избрал своей невестой человечество.

Что это вышла за супружеская жизнь? Настоящие «Американские горки»: романтика, любовь, ссоры и, наконец, отчужденность. В каждом поколении бывали советчики, рекомендовавшие супругам развестись, а иные даже объявляли жениха мертвым! Между тем отношения сохранялись, поскольку оба партнера органически чувствовали, что принадлежат друг другу. Когда сброшены все покровы, человек жаждет союза с Б-гом...

Каббала учит, что цикл наших праздников – это ежегодно происходящий космический брачный союз между Б-гом и человечеством. Пять ключевых духовных моментов этого праздничного цикла соответствуют основным фазам общепринятого ухаживания и брачного союза. Праздники зовут нас пережить этот процесс снова и снова и обновить отношения с Б-гом.

По еврейскому календарю месяц Элул предшествует Рош а-Шона и Йом Кипуру. Этот месяц, начинающийся обычно в сентябре, у хасидов называется «временем, когда Царь выходит в поле, чтобы встретиться со своим народом, и ласково и нежно приветствует своих подданных», выказывая радость от встречи с ними. Мы, в свою очередь, «открываем свои сердца Б-гу, это время дает нам возможность Его узнать».

Спустя четыре недели, в канун праздника Рош а-Шона, Б-г делает предложение...

... Мир приходит в состояние замешательства, говорит знаток Каббалы раввин Ицхок Лурия. «В канун Рош а-Шона, – пишет он, – Духовное Сознание, одухотворяющее вселенную, как бы ослабевает. Великие еврейские мистики в ночь под праздник Рош а-Шона в буквальном смысле слова чувствовали физическую слабость, дурноту».

Все сущее создано ради этого предложения – вступить в брак. Если мы ответим Ему отказом, значит, все было напрасно. Весь Космос ждет нашего решения...

Утром в праздник Рош а-Шона на Земле раздается пронзительный звук – призыв шофара. Этот простой зов выражает горячее стремление человека слиться с Б-гом. Решение принято – наш ответ гласит: «Да!»

Наступает день свадьбы, Йом Кипур, который в Каббале называется «временем единения» – космические жених и невеста навек соединяются брачными узами.

Согласно еврейской традиции в день свадьбы жених и невеста постятся. В тот день, когда мы соединяемся с

Б-гом, мы тоже воздерживаемся от пищи и питья.

Талмуд учит, что жениху и невесте в день свадьбы прощаются все грехи. Потому-то и Йом Кипур называется «Днем искупления».

Брачная церемония начинается волнующей мелодией молитвы Кол Нидре – так все клятвы и излишние пристрастия, которые опутывали нас и тянули вниз, мы лишаем силы. В эти знаменательные минуты мы стараемся освободиться от вредных привычек, отринуть всякую недоброжелательность, враждебность, гнев, зависть, страх...

Кульминационный момент традиционной еврейской свадебной церемонии – это уединение жениха и невесты в отдельной комнате (на иврите «хедер ихуд»). Кульминационный момент Йом Кипура – Нейла, заключительная молитва, называемая так, потому что, когда солнце дня Йом Кипура закатывается, то врата неба закрываются, и мы оказываемся внутри!

Во время молитвы Нейла душа каждого верующего сливается с Б-гом.

После того как жених и невеста выйдут из своей комнаты, начинается свадебный пир. После Йом Кипура мы вскоре оказываемся в семидневном празднике Суккот, который Тора называет «временем нашей радости».

Эти дни полны экстатического счастья; мы пируем, празднуя союз между Б-гом и Его народом.

Брачный пир окончен. Гости и родственники разошлись по домам. Осуществляя свой брачный союз, жених и невеста впервые вступают в интимные отношения; их жизни сливаются вместе – они становятся мужем и женой... После семи дней праздника Суккос наступает апогей праздничного сезона – Шемини Ацерес и Симхас Тойра, которые Каббала называет «временем полного сближения с Б-жественной сущностью». В эти дни – два буквально наэлектризованных дня, наша радость достигает пика. Б-г и Его народ сливаются воедино. Б-жественное семя посеяно в сердце каждого из нас.

Вот почему в праздник Шемини Ацерес мы читаем особые молитвы о ниспослании дождя. В интимной связи между небом и землей мать-земля впитывает капли дождя, способствующие произрастанию семян; и в надлежащее время она родит своих детей – растения.

Медовый месяц подходит к концу, возбуждение несколько спадает. Отныне брак перерастает в заботу друг о друге, демонстрацию доверия и лояльности в повседневной жизни.

За осенними праздниками следует единственный месяц в еврейском календаре, в котором нет ни одного праздника, – это Хешвон, время, когда подлинно супружеские отношения с нашим партнером укрепляются в повседневной жизни. Сейчас мы открываем радость, порождаемую постоянной связью с Б-гом...

ЕВРЕЙСКОЕ ЛЕТО

Закончилось лето... За прошедшие месяцы тысячи еврейских детей в летних лагерях на всей территории СНГ имели возможность не только купаться, загорать, заниматься спортом, но и изучать историю, традиции своего народа. И они стали не только крепче, сильнее, здоровее, но и умнее, и образованнее, и духовно богаче. Так что для них нынешнее лето стало не просто очередным теплым временем года с веселыми каникулами: кто-то впервые зажег субботнюю свечу, произнес молитву, открыл Тору... Уж этого-то они точно никогда не забудут...

Мы не можем рассказать обо всех лагерях, организованных на территории России, Украины, Литвы и Латвии, да и вряд ли это нужно, ведь те, о которых пойдет речь, безусловно, позволят представить, в каких условиях проходит теперь еврейское детство. А если вдруг в нашем рассказе не хватит, на ваш взгляд, каких-то важных красок или фактов, обязательно о них напишите. Давайте сообща нарисуем картину сегодняшней жизни нашей детворы!

В живописном уральском лесу на базе отдыха «Солнечный камень» поселка Верхняя Сысерть в июле расположился летний лагерь, организованный екатеринбургской синагогой, которую возглавляет главный раввин Екатеринбурга и Свердловской области Зелиг Ашкенази и его супруга Хана. Спонсором лагеря стала ФЕОР.

200 детей, а среди них и учащиеся екатеринбургской еврейской гимназии «Ор Авнер», разместились в комфортабельных комнатах жилого корпуса, который круглосуточно охранялся. Ребята были обеспечены четырехразовым кошерным питанием, за их здоровьем следили врачи.

Отдых, спортивные состязания, викторины, сочетались с занятиями по традиции, истории еврейского народа, с уроками иврита. Благодаря опыту и профессионализму директора лагеря А. А. Савельевой, которая вникала во все стороны лагерной жизни, программа отдыха получилась веселой и насыщенной.

Дети в возрасте от 6 до 14 лет были разделены на 5 отрядов, вожатым помогала методист по преподаванию традиции и основ религии Мирьям Слуцкая. У отрядов были имена – и какие! Как у книг Торы: «Брейшис», «Шмойс», «Ваикра», «Бемидбар», «Дворим». Ребята придумали для своих отрядов оригинальные «кричалки», например: «Все отряды ничего, но до “Шмойса” далеко»...

Яркая форма – красные футболки и желтые бейсболки – украшала яркую летнюю жизнь детворы. Всем понравилось в лагере и надолго запомнится его атмосфера – атмосфера большой счастливой еврейской семьи.

Вот что говорят ребята. Юлия Гершингорина, 9-й класс: «Мне особенно понравились рассказы о еврейской традиции». Ольга Васильева, 8-й класс: «Вокруг очень красивая природа... А мой брат поет в хоре мальчиков при еврейской гимназии!» Саша Ханин, 6-й класс: «Здесь очень вкусная еда. Люблю танцы, хочется лучше знать иврит». Миша Кочетов, 7-й класс: «Мне нравится кошерное питание. Люблю занятия по изучению Торы и по кашруту».

В лагерном клубе прошла выставка рисунков по мотивам Торы, истории еврейского народа. А младшие школьники с удовольствием приняли участие еще и в конкурсе рисунков на асфальте. Особенно удачными были признаны работы Маши Зейферт «Гора Синай», Никиты Рослякова «Ханукия и волчок», Ксюши Стерн «Звезда Давида», Яны Шпаковской «Свиток Торы и графин для кошерного вина».

Как ни хорошо в лагере, не у всех детей было на душе легко. И когда в лагерь приехали раввин Зелиг Ашкенази и председатель общины Яков Соскин, им пришлось услышать от двух девочек, сестер Ольги и Анастасии Нестеровых 10 и 11 лет из Каменск-Уральского, такие слова: «Наша двоюродная сестра погибла при взрыве на дискотеке в Тель-Авиве. Она моложе всех из погибших, ей было 14 лет. Нам очень ее жалко. Мы хотим, чтобы в Израиле был мир»... Мы все этого очень и очень хотим, и взрослые, и дети.

Вечерами по пятницам ребята охотно собирались на любимый всеми праздничный обряд – зажигание субботних свечей. Они крепко запомнили слова мудреца: «Не евреи сохранили Субботу, а Суббота сохранила евреев», – и с особым чувством поддерживали традицию. В другие вечера в клубе пели, танцевали, устраивали игры под традиционную еврейскую музыку. Всем ребятам в лагере понравилось, говорили что с нетерпением будут ждать следующего лета!

«В летней Костроме был “Ган Исроэл” – маленький лагерь, но свой. Сначала в это было даже трудно поверить, – пишет Галина Скаржинская. – И питание кошерное на новой кухне. И все там новое: и плита, и мойка, и новая прокошерованная посуда, “искупавшаяся” в речке после того, как было произнесено специальное благословение...

Все это стало возможным благодаря ФЕОР и частным пожертвованиям из Иерусалима.

Это были чудесные дни. Когда ребята вме

сте с вожатыми Леви-Ицхоком и Менахемом-Мендлом первый раз пели “Биркат а-мазон” – благословение после трапезы, за которой едят хлеб, нам стало понятно – что-то особенное произошло, еще одна ступенька вверх преодолена, еще шаг навстречу возрождению жизни в нашей старой синагоге. Дети хвостиками бегали за своими новыми друзьями – вожатыми, а наши мадрихи, юные воспитательницы, учились у них, чтобы потом работать самостоятельно. Для них это было началом работы Школы мадрихот, которая этим летом проходит в нашем молодежном клубе.

Дети путешествовали на пароходе по Волге, ездили на экскурсии, побывали в парке аттракционов, много времени проводили на воздухе. Большой ажиотаж был в лагере вокруг занятий по освоению компьютерной техники. Правда, проводились они с немалыми трудностями: было два компьютера на двенадцать человек. В последний день лагерной смены состоялся даже поход с шашлыками.

Как раз в те дни в Костроме гостила съемочная группа ФЕОР. Так что, может быть, удастся посмотреть и кино о нашем первом опыте летнего лагеря “Ган Исроэл-1”. Впрочем, вскоре состоялся и “Ган Исроэл-2”, который вожатые также провели очень достойно.

А в августе в живописном уголке, в пансионате “Сосновый бор” прошел региональный лагерь – семейный совместно с молодежным, который собрал около ста человек из Костромы, Кинешмы, Иванова. Вся территория пансионата, лес и речка на время стали “Ган Исроэл-3”. Ребята откошеровали в пансионате кухню...»

«Так сколько же этим летом у нас лагерей? – задается вопросом Галина. – Три?.. А летняя программа в воскресной школе? А Шабос в пятницу вечером для тех, кто постарше? А просто так полдня провести в синагоге? Можно сказать – у евреев еврейское лето в Костроме».

В июне в Красноярске на базе комфортабельного профилактория «Искра» тоже работал лагерь «Ган Исроэл». Около ста еврейских детей в возрасте от 7 до 16 лет из Омска, Томска, Бийска, Ачинска, Улан-Удэ и Красноярска собрались вместе по

инициативе главного раввина Биньёмина Вагнера, приехавшего в Красноярск работать из Израиля. К работе в лагере была привлечена международная команда «мадрихов» из Израиля, США и России. Каждый день лагерной жизни был расписан по минутам. Утром и вечером проходили молитвы «Шахарис» и «Маарив», было хорошее кошерное питание, перед едой и после нее произносились все необходимые благословения, ни днем, ни, порой, даже ночью не прекращалась учеба. Атмосфера еврейского образа жизни наполняла все лагерные дни. Празднование Шабоса, «моделирование» всех еврейских праздников, изучение иврита, Шулхан Орух – свода законов и правил еврейской жизни, проведение дня памяти Ребе, – вот неполный перечень пунктов той обширной программы, которую команда инициаторов-энтузиастов увлеченно и с творческим подъемом претворяла в жизнь. А сколько восторга вызвали у ребят прогулочные полеты над живописными сопками на трехместном, словно игрушечном, со стеклянной кабинкой американском вертолете «Швейцер»!.. Все это было задумано и реализовано неутомимым на выдумку молодым раввином. Многие ребята, уже побывавшие ранее на отдыхе в других еврейских лагерях, дружно отмечали, что в красноярском им понравилось больше.

«Будем надеяться, что первая свеча, зажженная девочками, и первый тфилин, наложенный мальчиками здесь, на окраине Красноярска, заронят искры в их души, не забудутся, поведут и дальше в еврейскую жизнь», – пишет Евгений Кривицкий.

Завершил свою работу летний еврейский лагерь, организованный по инициативе «Хабад-Любавич» в Юрмале на берегу Рижского залива. В течение первых трех недель шесть учениц старших классов школы «Хабад-Любавич» организовали интересную программу для детей. А потом приехали вожатые из США, Англии и Канады. Дети от 6 до 15 лет не только из Риги, но и из Екабпилса, Даугавпилса, Резекне, Бауски и Лиепаи участвовали в ярких карнавалах и захватывающих играх, изготавливали различные поделки, совершенствовались в английском языке. Ребята знакомились с еврейской историей и традицией, проводили дискуссии, здесь царил атмосфера дружбы и сотрудничества.

Впервые в лагере была организована специальная десятидневная программа для девушек. Это был их первый урок еврейской жизни. Они сами распределяли между собой обязанности, планировали меню, решали, как провести досуг. Центральной частью этой программы стало празднование Субботы. Девушки приготовили все необходимое, от халы до фаршированной рыбы. Когда они сели за стол со своими гостями, все смогли по достоинству оценить ни с чем несравнимую атмосферу еврейского праздника. До позднего вечера звучали субботние песни и рассказы.

Малыши этим летом тоже не остались без отдыха. Шестинедельный городской лагерь продолжился трехнедельным лагерем на Рижском взморье. Конечно же, дети счастливы были видеть своих родителей в выходные дни еще и потому, что хотелось

поделиться переполнявшими их впечатлениями, но возвращались к лагерной жизни с огромным желанием.

Для взрослых также была организована специальная программа. Семинар включал в себя актуальные темы: «Еврейская семья», «Отношения между евреями и неевреями», «Наука и религия»... После этих лекций многие решили продолжить свое еврейское образование на занятиях в помещении школы «Хабад-Любавич». Да и многие ребята, побывавшие в юрмальском лагере, решили изучать еврейские традиции и историю. В настоящее время организация «Хабад-Любавич» организует общежитие для всех школьников Латвии, которые хотят получить еврейское образование.

Нынешним летом еще один лагерь «Ган Исроэл» расположился в живописном месте на территории национального парка Неринга (Куршская коса) в городе Пярвалка, омываемом с обеих сторон водами Балтийского моря и залива. За две смены здесь отдохнули более 100 девочек и мальчиков со всей Литвы.

Ребят радовали сказочная красота природы, изумительный воздух, экзотика дюн, ласковое солнце и теплое море. Они посетили курортные города Ниду и Юодкранте, дельфинарий и морской музей Клайпеды, покатались на яхте и катамаранах, порыбачили, поиграли в подвижные игры, позанимались спортом... Но все это не оставило бы таких ярких воспоминаний, если бы в этой оздоровительно-познавательной программе не было изучения еврейских национальных традиций и истории, той атмосферы, которую создавали вожатые.

Энергичные, веселые, чуткие и внимательные ребята, приехавшие из Израиля, Америки, Австралии, Англии и Канады, делали все, чтобы заполнить каждую свободную минуту играми, развлечениями, беседами, старались, чтобы каждый ребенок нашел занятие по душе, узнал как можно больше нового и интересного, устраивали викторины и диспуты. Девочки с удовольствием изучали еврейские национальные песни и танцы, занимались рукоделием, рисовали, лепили. В этом им помогали руководители музыкальных и художественных кружков, учителя средней школы «Бейс Менахем» Е. Кессо и Л. Воробьева. А мальчики, помимо занятий в кружках, активно занимались спортом: играли в баскетбол, волейбол, теннис, катались на велосипедах и роликовых коньках; оказались среди них и любители рыбной ловли. Настоящим другом и помощником стал для них учитель физкультуры В. Фадеев. Ребята с удовольствием расписывали свои кипы и цицис. Они эмоционально пели о Б-ге, о скором приходе Мошиаха, об Израиле.

О полноценном отдыхе ребят заботились и работники столовой, которые готовили вкусные кошерные блюда. Радовало изобилие овощей и фруктов. Особенно весело и вкусно было во время субботних трапез.

В уютном и тенистом парке на Арабатской стрелке расположился лагерь «Ган Исроэл» для девочек, организованный еврейской общиной Днепропетровска и Федерацией еврейских общин Украины при поддержке «Сохнута» и «Джойнта». В воскресенье, 17 Тамуза, в лагере проходил родительский день. Специальные автобусы привезли родителей из Днепропетровска, Харькова, Кривого Рога, Кировограда, Никополя, Черкасс, Запорожья, Сум, чтобы они смогли воочию убедиться в том, о чем уже знали из детских писем и телефонных звонков: как хорошо и интересно проводят каникулы их дети.

И действительно, в лагере было на что посмотреть: комфортабельный корпус, благоустроенная территория, чистый пляж и, главное, добрые и внимательные вожатые и преподаватели из Украины, США и Израиля, которые ни на минуту не оставляли детей без внимания, каждый день их пребывания в лагере превращая в праздник. А какие интересные экскурсии предложили в этот раз детям организаторы!

Впечатлениями от поездки в Национальный заповедник Аскания-Нова делились со своими родителями все. Но все же на вопрос «Что для вас самое главное в этом лагере?» большинство девочек отвечали: «Молитвы, изучение еврейских традиций». Об этом говорила и директор лагеря ребецн Хана Каминецкая. Она рассказала о том, какая замечательная семья сложилась в этом лагере, где старшие помогают младшим, – те, кто уже не первый раз в таком лагере, учат новичков, – а удовольствие от общения, обучения и отдыха получают все: от самых маленьких девочек до умудренных преподавателей. Финалом родительского дня стал замечательный концерт, в котором участвовали все 180 девочек лагеря «Ган Исроэл».

«Ган Исроэл – это класс!» – скандировали девочки, провожая автобусы. И родители по-хорошему завидовали своим детям: ведь в их детстве не было еврейских лагерей, тем более таких прекрасных...

Но вот подошло время для следующей смены. Теперь 180 мальчиков из разных регионов Украины приехали отдохнуть и поучиться быть евреями. Под руководством опытных вожатых из разных стран мира они постигали основы иудаизма. И для многих из них настоящим открытием стала возможность прямо на вокзале перед посадкой в поезд выполнить одну из главных заповедей Торы – надеть тфилин. А сколько еще впереди ждало их открытий!

«Идишкайт – еврейский образ жизни, еврейское самосознание – понятие свое, родное, но, к сожалению, во многом забытое и нашим современникам непонятное. Людям, родившимся и воспитанным вне еврейской традиции, в условиях, когда невозможно было даже составить хоть какое-то представление о ней, трудно менять свою жизнь. Но в последнее время ситуация меняется к лучшему», – пишет Леонид Яковлев.

Благодаря усилиям еврейской общины Донецка этим летом смогли отдохнуть и пожить настоящей еврейской жизнью сотни взрослых и детей. Кошерное питание, занятия по традиции, празднование Субботы сделали отдых интересным и содержательным, наполнили его смыслом. Для многих детей и взрослых еврейские ценности, к которым они приобщились в лагере, станут образцом, к которому они будут стремиться в своей дальнейшей жизни. В июне прошел лагерь для детей младших классов еврейской

общеобразовательной школы «Ор-Менахем», в июле – семейный лагерь «Мишпах», организованный донецкой общиной совместно с «Джойнтом», где за три смены отдохнули триста человек, а в августе – детский лагерь «Ган Исроэл», где в две смены прекрасно провели время по 150 мальчиков и девочек. Так что до следующего лета евреям Донецка будет что вспоминать!

В АТМОСФЕРЕ ДОБРА, ТЕПЛА И УЮТА

Ровно год назад, 1 сентября 2000 года в Оренбурге была открыта средняя общеобразовательная школа «Ор-Авнер», созданная по инициативе и полной финансовой поддержке Международного благотворительного фонда «Ор-Авнер». Представителями фонда в Оренбурге являются раввин Оренбургской области Гоэл Майерс и его жена ребецн Кинерет Майерс. Школу возглавляет С.А. Нудельман, отличник просвещения Российской Федерации. Научным консультантом школы является гимназия № 1, трижды признанная школой года РФ, дважды – победителем конкурса фонда Сороса.

Постоянно и целенаправленно идет работа над созданием в школе атмосферы добра, домашнего тепла, уюта. Особое внимание уделяется вопросам интеллектуального и физического развития каждого ребенка. Принципиальная концепция школы базируется на создании условий для интеллектуального развития детей на основе диалога российской и еврейской культур, не менее важна забота о физическом здоровье детей.

Учебный план школы «Ор-Авнер» Оренбурга предлагает базовый уровень по всем

предметам для учащихся 1–10 классов, а также вариант, предусматривающий программу, в которую входят риторика, психология, хореография, астрономия, интенсивный курс английского языка, логика, компьютерная графика, компьютерный дизайн, французский язык, изучение информатики по углубленной программе. В основном учебном плане школы – изучение иврита и еврейских традиций.

Школа работает с 8 до 17 часов. Сегодня в ней 70 учащихся. Доставляет детей школьный автобус. У ребят сбалансированное трехразовое kosherное питание. Первая половина дня – это реализация базового образования, вторая – индивидуальная программа для каждого ребенка: освоение предметов на превышающем или корректирующем уровне, изучение дисциплин эстетического направления, занятия спортом, посещение бассейна. Проводится постоянная работа по профилактике и лечению заболеваний, тщательный медицинский осмотр.

Учащиеся школы уже успели получить несколько поощрений на областных олимпиадах; принять активное участие в конференциях и конкурсах, среди них – конференция «Юность, наука, культура» и конкурс работ, посвященных трагедии Холокоста.

Поступающие в школу проходят конкурсное тестирование. Преподавательский состав подобран из высокопрофессиональных педагогов в возрасте от 25 до 45 лет. В школе работают семь кандидатов наук, один заслуженный учитель, шесть учителей высшей квалификации, пять отличников просвещения РФ.

Школа по праву гордится проведением, причем не только для детей – для всех евреев города, ярких и красочных еврейских праздников Хануки и Пурима, а также праздника для ветеранов в честь Дня Победы. Многие дети хорошо танцуют, поют, играют на музыкальных инструментах.

На снимке слева направо: выпускники Давид Юсимов, Михоэл-Исроэл Гольдин, Александр-Михоэл Кац.

Иосиф Слободской

ПОДДЕРЖИВАЮЩАЯ ЦЕЛЬНОСТЬ

Не будет преувеличением сказать, что без ешивы – высшего религиозного учебного заведения по иудаике, института, созданного для изучения Торы и устного Закона – Талмуда, еврейская история была бы совсем иной – давным-давно евреи, как и многие другие древние народы, стали бы достоянием истории.

Ешивы возникли еще в эпоху второго Храма. А когда он был разрушен и евреи оказались в изгнании, можно было подумать, что еврейская история трагически завершилась. Но вера, которую сохранили наши предки, и на сей раз спасла народ. Спустя много столетий основоположник хасидизма Баал-Шем-Тов скажет: когда Б-г решал наказать человека, Он отводил его от веры... За разобщенность, отсутствие любви друг к другу евреи тяжело были наказаны Всевышним, и все же Он, всегда верный своим обещаниям, не оставил своих избранников. И евреи, покинув Святую Землю, подтвердили свою верность святому Завету: и в диаспоре создавали ешивы, продолжая изучать и соблюдать Закон.

Здание ешивы.

Одна из первых ешив возникла в Явне. И когда Храм уже сровняли с землей, именно здесь были заложены основы Мишны, приняты правила соблюдения еврейских традиций и исполнения заповедей Торы. Как показала дальнейшая история евреев, будучи разрушен физически, на духовном уровне Храм оказался неподвластен разрушительной мощи инородцев: народ Б-га сохранил его в своей душе. Столп веры, он и донныне воссоздается даже на пепелище. Одно из ярчайших свидетельств этого – московская ешива, основанная по инициативе Любавичского Ребе, «Том- хей тмимим – Любавич», «Поддерживающая цельность» — название очень точно и символично.

Этим летом ешиботники «Томхей тмимим – Любавич», которые живут по всей России, собрались в подмосковной Щербинке, хотя обычно их учеба проходит в здании рядом с Хоральной синагогой в Спасоглинищевском переулке (бывшая улица Архипова) недалеко от станции метро «Китай-город». Есть такая традиция у ешивы — на лето выезжать за город. Здесь, в тихом, зеленом, далеком от городской суеты месте, мне и довелось познакомиться с жизнью этого традиционного для еврейства учебного заведения, побеседовать с ее ректором, педагогами, студентами. Будучи сам педагогом со значительным стажем, я с интересом наблюдал, как ведется обучение в непривычной для меня устной форме; интерес и энтузиазм обучаемых и обучающихся были завидно неподдельны.

За один день, проведенный здесь, мне удалось узнать много интереснейших вещей, без преувеличения сказать, я открыл для себя новую реальность. Дни идут, а впечатление от встреч не стирается, а выкристаллизовывается. Помню одухотворенность и убежденность людей, с которыми говорил. Один из них – преподаватель «Томхей тмимим – Любавич» Зуша Горелик. Вот что он мне рассказал.

– Ешива – это центр изучения Торы, место, где вырастают наши ученые, те, кому впоследствии предстоит говорить с еврейским народом. Куда бы евреи ни приходили, они первым делом создавали ешиву как основу национальной жизни. Неважно, где – под присмотром инквизиторов, в гетто средневековья и времен второй мировой войны, ешива существовала всегда, до последней минуты, пока были евреи. И все-таки сегодняшние ешивы и те, которые были в поколениях, не мыслящих своей жизни вне традиции, очень различаются. Я считаю, в нашем поколении – это единственный способ остаться евреем среди всего этого изменяющегося мира.

Я спросил Зушу Горелика, могу ли я, с его точки зрения, не учась в ешиве, считать себя евреем, и услышал в ответ:

– Вы же не случайно сегодня оказались здесь. И не только сегодня. Вы общаетесь с нашими студентами, выпускниками, что-то тянет вас к традиции, значит, в какой-то мере и вы – ешиботник.

– То, что вы здесь увидели и услышали, – продолжил он, – это шаги Мошиаха. Мошиах – поступательный процесс, а не только Посланник. Он раскрывается постепенно, в каждом поколении. Как Посланник – в лидере поколения. Чем больше каждое поколение готово к приходу Мошиаха, чем больше верит, что это произойдет скоро, тем интенсивней оно будет совершенствоваться – так считал Любавичский Ребе. Он поднял весь еврейский народ на невиданный духовный уровень, так что окончательный приход Мошиаха может произойти с минуты на минуту.

Какая-то особая духовная сила исходила от слов этого человека, и я, не будучи верующим, поверил в истинность его слов...

А вот фрагменты моих бесед с ешиботниками.

Симха-Мойше Рашковский. По фамилии я предположил, что он из Одессы, и не ошибся. Еще лет десять назад ничто не предвещало, что этот молодой человек окажется в ешиве: он учился в престижном мидовском лицее и вдруг...

– Как я оказался здесь? Вам, наверное, знакомо это чувство: что-то нас ведет. У меня есть старший брат. Он работает у раввина Лазара в Марьиной роще, занимается

вопросами кошерного питания. Однажды и я пришел в синагогу на Большой Бронной к раввину Когану, теперь там и работаю – кошерую мясо. Я пришел сюда навсегда. Еврейская вера – это моя вера, евреи – мой народ. И мои дети должны быть евреями...

Второй юноша – Шмуэл- Александр Ларцев.

– Мне двадцать лет. Я из Самары. Там у нас есть хасидский раввин, и он прислал меня сюда учиться. Еще я учусь в самарском муниципальном университете. Работаю в еврейском общинном центре руководителем молодежных программ и преподаю информатику в воскресной школе. Папа у меня русский. А я идентифицирую себя с евреями.

– Как вы считаете, почему вообще молодые евреи приходят к вере?

– Я думаю, никто вам однозначно не ответит. Просто в один прекрасный момент происходит какой-то «щелчок»: ты что-то услышал, узнал, куда-то зашел... Задумываешься, размышляешь и в конце концов оказываешься здесь.

Еврейство – это моя жизнь.

Я учусь всего две недели – захватывает! Такой атмосферы, которая создана в ешиве, в России больше нигде нет. Даже наш раввин говорит: «Я приезжаю в Москву, как в Иерусалим».

– А в твоём понимании евреи, далекие от своей религии, от еврейского образа жизни, они все же евреи или нет? – задаю я все тот же больной для меня вопрос.

Шмуэл в ответ смеется.

– Любой человек, если по происхождению еврей, он еврей. А что не соблюдает обычаев, кто виноват? Ведь 70 лет ничего этого не было.

– Ты в этой ешиве будешь учиться постоянно?

– Нет, я приезжаю в Москву набираться духа, чтобы были силы заниматься всем этим дальше и строить такую жизнь у себя в Самаре.

– Как ты считаешь, исход евреев обязателен или можно оставаться евреем и в России?

– Исход евреев обязателен, как приход Мошиаха.

– И когда он придет?

– Да вот, с минуты на минуту.

– Что, есть какое-то ощущение в воздухе? – Признаться, мне трудно это понять. Но в разговор вступают и другие молодые ешиботники, и все с уверенностью говорят: Мошиах вот-вот придет! А на мой вопрос, что его задерживает, кто-то из ребят ответил: «Неизвестно что. Он уже должен был прийти пять минут назад».

Общаясь с этой молодежью, я еще раз убеждаюсь: еврейство не исчезнет. Если после всего, что пережил наш народ за свою бытность в России ли, в других ли странах за все тысячелетия голуса, наша молодежь сохраняет веру отцов и национальный оптимизм, Мошиах обязательно придет! Чтобы почувствовать это так, как я, надо побывать в «Томхей тмимим – Любавич».

Расставшись с ребятами, я долго беседовал с их педагогом Шлоймо Гуревичем. Он родом из Самарканда. Совершив алию в Израиль, теперь он приехал работать в ешиву. Я спросил его в частности, не в ущерб ли увлеченность духовными вопросами остальной жизни здешней молодежи.

– Как раз наоборот. Нужно не забывать, что ешива или махон (женское высшее духовное учебное заведение) – не монастыри. Ребята здесь действительно постигают духовные вещи, но они не отрываются от мира полностью. Всевышний запретил евреям уходить от обыденной жизни. И мы наших студентов воспитываем в этом духе. Здесь много ребят, у которых нет еще семьи, и они имеют возможность заниматься преимущественно духовной, а не материальной стороной жизни, постигать суть нашей веры, убеждаясь, что Всевышний есть во всем – и в поступках, и в мыслях, в каждой клетке этого мира, в каждом движении на земле... Но в их жизни будет хупа, крепкая еврейская семья, ведь заповедь «Плодитесь и размножайтесь» – одна из первых для евреев...

Р. Зуша Горелик.

С одной стороны, согласно Когелес, много учиться – обременять плоть свою, с другой – согласно Гилелю, стократное повторение урока не может сравниться с повторением его в сто первый раз. Найти золотую середину всегда не так-то просто. Мойше Нудельману, ректору ешивы «Томхей тмимим – Любавич», на мой взгляд, это удастся.

Казалось, ничто в его жизни не предвещало, что он изберет педагогическую стезю, тем более в области еврейского образования. Мойше Нудельман родился в Москве, как многие мальчики из интеллигентных еврейских семей, преуспевал в учебе, учился в математическом классе общеобразовательной школы. Да, в старших классах он все чаще задавался вопросами о смысле жизни... И, как многие его сверстники,

влюбленные в математику, попытался поступить в МГУ. Было это в 1979 году. По конкурсу он не прошел. Не будем рассуждать, что здесь сыграло решающую роль. Зато в том же году Мойше Нудельман поступил в Московский институт нефти и газа имени Губкина (его сокурсники, как он говорит, в большинстве своем были евреи – разве не феномен?). А что привело в ешиву? Что называется еврейская судьба. До 1988 года он работал программистом и вдруг, неожиданно для всех ушел работать в марьиноорощинскую синагогу... Конечно же, ректором ешивы он стал не случайно, а вот что он о ней рассказал.

Р. Шлоймо Гуревич.

– Наша ешива первая открылась в Москве после падения власти коммунистов. Ее первый ректор Ури Камышов сейчас живет в Израиле. Когда он уехал, некоторое время его место занимал Борух Клейнберг. Среди наших преподавателей есть коренные израильтяне, получившие на родине религиозное образование, есть такие, кто учился в Израиле или США, есть преподаватель, который с 13 лет в Израиле и там много лет проучился в ешиве.

Наша ешива отличается от других в Москве тем, что, кроме открытой части Торы, здесь изучается еще и скрытая ее часть – Кабала, так, как она раскрывается в хасидизме. Открытая часть – это те вещи, которые сейчас стали доступны каждому. До поры до времени это были большие тайны Торы, их знали единицы в каждом поколении. А Кабала – это глубинные тайны устройства мира, еще меньше доступные большинству.

Р. Мойше Нудельман.

Основная цель ешивы – не подготовка профессионалов в какой-то области, как это обычно бывает в учебных заведениях. Наша цель – научить человека вести еврейский образ жизни, чтобы он мог самостоятельно выполнять заповеди, учить Тору. После этого он может приобрести в зависимости от способностей и желаний какую-то еврейскую профессию – сойфера, шойхета, мозля, иногда и раввина...

– Скажите, пожалуйста, сколько в ешиве студентов?

– К началу учебного года мы ожидаем человек 25.

– Учащиеся ешивы разительно отличаются от остальных горожан, их принадлежность к еврейству выражена очень сильно, а ситуация в стране, к сожалению, все еще не исключает антисемитизм. Не ощущают ли ешиботники эту проблему особенно остро?

– Здесь пока что не было ни одного случая проявления антисемитизма. Общая тенденция последних лет такова, что в массе народ очень положительно реагирует на религиозного еврея, не считая ярых антисемитов.

На прощание я спросил Мойше Нудельмана, что он думает об отношении к евреям нынешнего правительства.

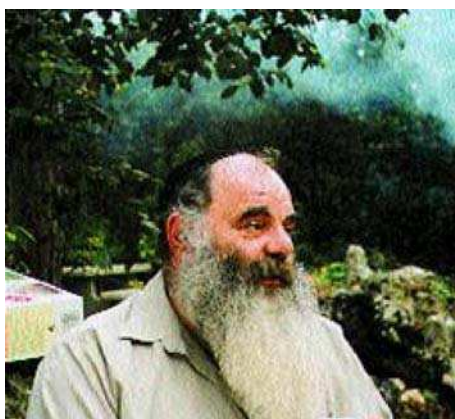
– Изменения в лучшую сторону очевидны. Вы можете себе представить, чтобы какой-нибудь русский царь пришел на открытие синагоги? Воображения не хватит. А президент Путин приходит. И потом еще раз приходит на празднование Хануки...

Что ж, с этим не поспоришь, и оптимизм, свойственный иудаизму, не лишен оснований. И еврейская традиция в России не прервется, и Мошиах неминуемо придет.

Рахель Немира

БОГАТЫЙ ТРУДАМИ

È 50-èàòèp Ì èòàèèà Áðèí ááðãã

В самом начале перестройки, в конце 80-х, в Москву из далекой, долго недостижимой, но бесконечно дорогой и притягательной для каждого еврея страны прилетели трое очень колоритных мужчин с весьма непривычной для столичного глаза внешностью – статные, длиннородые, в ермолках. Это были посланники Союза религиозной еврейской интеллигенции «Шамир», созданного в Израиле с благословения Любавичского Ребе видным ученым-ядерщиком Германом Брановером – Хаим-Арон Файгенбаум, Зеев Вагнер и Михаил Гринберг. Все они родом из разных уголков страны, уехали из Москвы в разные годы. И вот как граждане Израиля они впервые ступили на российскую землю... Дела, ради которых они приехали, закипели едва ли не сразу. По почерку видно – мастера!

Теперь у каждого из них здесь свое большое дело. А возраст еще невелик: весной отметил свой пятидесятилетний юбилей Вагнер, осенью его отмечает Гринберг, о котором давно уже надо было бы и хотелось рассказать. Что ж, юбилей – хороший повод.

Миша Гринберг родился на Урале, где служил его отец, командир роты связи, который прошел всю войну, дошел до Бухареста. Армия не выхолостила из отца еврейского духа, воспитание сыграло свою роль. Женился он, как и подобает, под хупой. В его новой семье отмечали еврейские праздники, а дед с бабушкой соблюдали все, что положено евреям. Когда отец уволился из армии, его старший брат, тоже военный, ученый в области стратегических ракетных вооружений, помог ему устроиться в Москве.

Миша Гринберг несмотря на пример отца и дяди военным стать не захотел. Окончив школу, поступил в Рязанский пединститут на исторический факультет. Не иначе как решающую роль здесь сыграла его дата рождения, а родился он в самом начале учебного года – 1 Элула, или 2 сентября.

Линия еврейской судьбы – «зигзуг» за «зигзугом», и «география» наша непостоянна: сегодня здесь, завтра там. Сегодня получивший педагогическое образование Михаил Гринберг – директор ассоциации «Гишрей Тарбут» («Мосты культуры»), связывающей столицу России с Иерусалимом, глава издательства «Гешарим». Много хорошего можно рассказать об этом человеке. Он профессиональный историк, опытный издатель, деятель культуры, соблюдающий традиции человек... Где-то судьба его продолжила родное, семейное русло, где-то проложила новый рукав. Как бы то ни было, в семье, где он рос, было довольно хороших примеров, чтобы из смышленного, доброго, большеглазого мальчика вышел настоящий толк.

В 17 лет Миша открыл для себя Б-га. Бывает это как прозрение, но предшествует тому не всегда осознаваемая кропотливая работа души. В детстве Миша с дедом бывал в синагоге, когда приезжал с ним на Украину (дед из Шепетовки на Волыни, Мишина жена, Берта, тоже). Знал, что в доме деда для молитв собирался миньян, соблюдали Субботу, праздники, придерживались кашрута, но до определенного момента на это словно внимания не обращал. А в 17 лет захотелось почитать Библию, и любознательный мальчик точно знал, где ее в ту пору можно найти – пришел в малаховскую синагогу. Тогда и начала открывать глаза его еврейская душа. Через несколько месяцев состоялась брис-мила (старший его брат был вовремя обрезан)...

А что же страна Советов? Неужели не отозвалась на такое событие? Как бы не так! В 1970 году исключили из комсомола, но из института чудом не выгнали. А когда в ноябре 1972-го они с женой сделали хупу и кто-то донес – из института выгнали за

четыре месяца до защиты диплома. И все же никак не сказать, чтоб ему не везло. Впрочем, что такое еврейское везение? Большею частью старания, способность работать головой, умение упорно трудиться, «пускать хлеб по воде» – делая сегодня, думать о завтрашнем дне, ну и конечно, оптимизм!

На работу изгоя пединститута все-таки приняли – в вечернюю школу подмосковного Лыткарина. Поначалу еще по совместительству дали работу и в дневной. Там у историка Миши Гринберга учился будущий лидер группы «Любэ» Николай Расторгуев и ребята ему под стать.

Упорства еврею, как известно, не занимать. Спустя полтора года после исключения, чтобы получить диплом, Миша Гринберг за два месяца сдал 18 экзаменов, поступил теперь уже в московский заочный педагогический институт. А по окончании вуза пришла пора армии, и Миша попал в ракетные войска. Действительно, стезя профессионального военного его не привлекала и тем не менее... В память о годах службы осталось 19 благодарностей, две из которых лично от министра обороны Гречко – за подготовку ракет к полигону и подготовку к параду на Красной площади. Такой результат для Гринберга, как показало будущее, характерен: принимаясь за дело, он делает его на все сто!

Армейские успехи – хорошо, но за годы службы все малаховские контакты оборвались. С кем раньше приходилось иметь дело, разъехались – кто в Англию, кто в США, кто в Израиль. Новые связи налаживались медленно. Было это связано еще и с тем, что слишком много времени уходило на увлеченность историей, творческий труд, подготовку публикаций в научных сборниках ИНИОН, в «Литературной России», в журнале «Москва», в «Альманахе библиофила». Мало того, его работы публиковали в старообрядческих изданиях и журнале Московской Патриархии. Но вопросами истории религии он интересовался чисто академически. Зато в 1980 году к рождению второго сына Миша Гринберг кипу уже не снимал, перешел на кошер, стал активней в общине. «Надо было о детях думать, об их воспитании, это подстегивало», – объясняет он.

Соблюдая Субботу и праздники, Миша снова работал в вечерней школе. Отношения в коллективе сложились на редкость хорошие. Конечно, коллеги догадывались, что товарищ их – верующий иудей (на всех «посиделках» оставался в кепке, ел одну селедку со свежими, если случались, овощами), но вопросов не задавали. Более того, субботники – почин Ильича превратились в воскресники.

Чтобы не было проблем с кошерным мясом, Миша Гринберг решил завести птицу. И завел: 500 кур, сотни индюков, гусей, уток. У Мотла Лившица и Мойше Гойберга он научился шхите, вместе с Хаимом-Ароном Файгенбаумом сдал экзамен хабадскому раввину из Америки и стал настоящим шойхетом. За кошерным вином дважды в год – на Пейсах и Рош а-Шона он отправлялся в Грузию... Но все это не поглотило его целиком: в 1981 году Гринберг написал книгу «Епископ Андрей князь Ухтомский», и она бойко ходила в самиздате. Московская Патриархия купила у него эту рукопись, обещав издать, даже заплатила гонорар, но книга свет так и не увидела. Зато десять лет спустя издательство «Терра» выпустило ее тиражом в 50 тысяч – все разошлось мгновенно, и Гринбергу выплатили второй гонорар.

Надо сказать, еще в начале 80-х друзья и сотрудники настояли, чтобы автор восхитившего их труда о князе Ухтомском защитил диссертацию по своей книге. Кандидатский минимум он сдавал в РГГУ, защищался в педде. В общих словах,

диссертация Гринберга – по истории общественно-политических движений в русском православии и старообрядчестве.

Итак, с рождением младшего сына у Миши Гринберга пошла настоящая еврейская жизнь. Здесь пригодились все особенности его характера и способности. Реб Гейче, глава московской хабадской общины той поры, направил его на восстановление малаховской синагоги – в ту пору, после отъезда старого костяка, в нее почти никто не ходил. И дело закипело: сделали ремонт – поэтапно, от фундамента до крыши, привезли новую мебель, провели воду, на кладбище восстановили еврейский погребальный ритуал и омовение рук (совместно с председателем Борухом Фихом, который при Советской власти был председателем общины, кладбищем он заведует по сей день), наладили шхиту. Начались уроки, стали отмечаться праздники, четыре раза в неделю проводились молитвы. Берта, Мишина жена, 2-3 раза в неделю готовила в синагоге обеды. Так и собрали народ.

Может возникнуть вопрос: куда же смотрели местные власти, что до перестройки просмотрели оживление в синагоге? Как объясняет Гринберг, они вырастали в Малаховке среди евреев – привыкли, пригляделись.

За какое бы дело он ни брался – делал, не отступал. По личному указанию Ребе в 1986 году он организовал перевозку останков Мордехая Дубина – депутата латвийского Сейма, крупнейшего еврейского общественно-политического деятеля 20–30-х годов, благодаря которому был освобожден из заключения шестой Любавичский Ребе, с тульского кладбища, подлежащего уничтожению, на малаховское. Был востребован и педагогический опыт Гринберга: он читал – и с успехом – лекции по еврейской истории в религиозно-сионистских кружках, собиравшихся на квартирах.

После успешного захоронения останков Дубина Гринбергу поручили восстановление могил цадиков (еврейских праведников). От Фрунзе до западных границ СССР было обследовано более 25 кладбищ, обнаружен ряд забытых захоронений (рабби Пинхаса из Кореца, Аарона из Карлина и других), многие из которых были отремонтированы и восстановлены, в том числе могилы Баал-Шем-Това, рабби Леви-Ицхока из Бердичева, основателей Ружинской и Белзской династий, Любавичских Ребе. Помощник у Миши Гринберга был только один – семнадцатилетний Нохум Тамарин, ныне один из житомирских раввинов.

Дело делалось споро – уже в 1987–1988 годах Гринберг стал сопровождать первые группы паломников из Израиля и Америки по святым местам, которые удавалось восстановить, – израильские туристические компании обратились к нему как к единственному специалисту в этой области с просьбой помочь организовать и регулярно проводить такие паломничества (зачинателем этого дела был брацлавский хасид Бени Зееви, сын нынешнего израильского министра по туризму). Принимал он участие в разработке и осуществлении планов регулярных поездок паломников по всем еврейским местам бывшего СССР. Попутно в хасидских общинах читал лекции о реставрации памятников, составил книгу-альбом (иврит – английский – русский) «Могилы цадиков в России» (издана при помощи израильского издательства «Шамир»). В 1988 году, совершив алию в Израиль, читал лекции на эту тему там, в Америке и Канаде. Было что рассказывать и показывать – какими эти памятники были и какими они стали.

В ту пору и открылось перед ним новое поле деятельности – в Израиле его сразу же пригласили работать в издательстве «Шамир». Эта-то работа и привела Михаила

Гринберга в самом конце 80-х в компании с Вагнером и Файгенбаумом в Москву. Тогда за короткий срок удалось выпустить в свет немыслимое количество книг по еврейской традиции, добиться, чтобы они появились на прилавках самых крупных центральных книжных магазинов, например, магазина «Москва» на Тверской (тогда ул. Горького). Такое было впервые за все годы советской истории!

Гринберг читал курс лекций по еврейской истории в ешиве «Ор Самеах», а затем по просьбе главного раввина Британии лорда Якубовича в 1990 году отправился на Западную Украину, во Львов (одна из лондонских общин решила курировать общину Львова), где принял деятельное участие в восстановлении общинной и культурно-общественной жизни евреев. Вернувшись в Москву, в только что образованной школе Липмана на Ленинском проспекте он в течение двух лет был ответственным за еврейскую традицию и историю: вел уроки у школьников, читал лекции преподавателям. Одновременно выступал с лекциями в Туро-колледже и Еврейском открытом университете.

Летом 1992 года раввин Адин Штейнзальц предложил ему создать в Москве регулярный Еврейский университет. Колоссальная задача! Но и она была решена – Гринберг стал ректором первого еврейского университета. Спустя три года, когда учебный процесс вошел в колею, он, передав бразды правления в другие руки, с головой окунулся в издательскую работу, чтобы поддержать необходимой литературой развивающийся университет.

Эта проблема сразу же встала перед учебным заведением: нужны были учебные пособия, научный печатный орган, другие издания. Так появилось издательство «Гешарим». В декабре 1992-го вышел первый номер «Вестника московского еврейского университета» – теперь это международный журнал, готовится 23-й его выпуск. За 8 лет в Москве и в Израиле «Гешарим» издал более 200 наименований книг. Главная заслуга издательства, по мнению Гринберга, – это создание аудитории читателей еврейской книги в России, на «русской улице» в Израиле, в других странах. Были научные конгрессы, семинары, выставки, ярмарки. В редакционном портфеле издательства около 50 книг. Планы большие – выпустить серии «Академическая Библиотека Иудаики» (совместно с Иерусалимским университетом), «Литература Израиля и диаспоры», «Израиль: война и мир», «Прошлый век», «Памятники исторической мысли еврейского зарубежья», «Флавиана»...

Каких только дел ни переделал Гринберг за первые свои полвека! Кроме всего, он – хороший муж, дважды отец и трижды дед. Поздравляем всех Гринбергов с замечательным юбилеем их молодого «патриарха». Гордимся им. Так держать до 120!

Матвей Гейзер

УХОДЯ В ИСТОРИЮ ГОСЕТА...

Ī àì yò è À.À.Āìðöáíðāā

9 августа скончался Александр Евсеевич Герцберг – один из самых последних ГОСЕТовцев, ученик Михоэlsa и Сарры Давыдовны Ротбаум, многое сделавший, чтобы передать мастерство своих педагогов актерам Камерного еврейского музыкального театра, созданного в конце 70-х. Своим учителем его называют видные деятели искусства – народный артист РФ Михаил Глуз, заслуженный артист РФ Яков Явно и многие другие. Он учил их очень важным вещам – языку идиш и традициям ГОСЕТа, без которых себя не мыслил.

Помню, как Григорий Моисеевич Лямпе сказал мне в 1991 году в Тель-Авиве: «Самая большая трагедия в истории ГОСЕТа – это то, как его убивали, добивали. И это было в то время, когда там готовился к постановке “Принц Реубейни” – самый значимый спектакль нашего театра. В нем во многом бы выразило себя новое поколение молодых актеров. Среди них Саша Герцберг. Он очень хорошо показал себя на репетициях этого спектакля. В “Реубейни” он мог бы сыграть свою первую настоящую роль, но она оказалась и последней, и несыгранной. Больше на сцену после закрытия ГОСЕТа он не вышел».

В спектакле «Восстание в гетто» в роли партизана. 1946 год.

А вот что вспоминал об этом спектакле сам Александр Евсеевич: «О “Принце Реубейни” я впервые услышал от писателя Давида Бергельсона. Когда он читал нам эту пьесу в театре – кажется, это было в конце войны или сразу после нее, – а Михоэлс все время комментировал, то дрожь охватывала всех актеров. До этого все мы или почти все ничего не знали об этом отважном принце, который пытался во времена инквизиции, в XVI веке, когда евреев сжигали на кострах и замучивали пытками, спасти свой народ, вывести его из средневековой Европы через Аравию в Палестину. Конечно, в этом был не только элемент романтики, но и авантюры, однако все мы сразу полюбили этого благородного “еврейского принца” и с нетерпением ждали, когда начнется работа над спектаклем».

В спектакле «Разбойник Бойтре» в роли Бойтре. 1946 год.

Хотя бы кратко расскажу биографию Александра Евсеевича. Он родился 9 ноября 1917 года (и не раз шутил, говоря: «Я немного моложе, но не главнее советской власти») в маленьком местечке Ружин на Подолии. Отец его был знаменитым в тех краях кантором: пел в синагогах Подолии, Волыни. Сыну, как тот считал, достался от него только слух, но не голос. Вспоминая отца, Александр Евсеевич говорил о нем с любовью и нежностью. Умер отец рано, даже не увидев младшего сына, который родился вскоре после его смерти. Рано умерла и мать. Два мальчика остались сиротами. Обучаясь в ружинской школе, А. Герцберг работал на кирпичном заводе близ Ружина. Окончив семилетку, поступил в ремесленное училище в Свердловске, где жила его сестра.

Артистичность, доставшаяся от отца, давала о себе знать еще в Свердловске в начале 30-х, и он пытался поступить в театральное училище. На вступительном экзамене подготовленный им номер комиссии понравился, но ужасное впечатление оставила дикция. Ему посоветовали ехать в еврейское театральное училище в Москву.

Из воспоминаний А. Герцберга: «Приехал на экзамен. Сидит Михоэлс, слушает меня и говорит: “Играешь ты неплохо. Но почему ты так плохо говоришь по-еврейски?” Я сказал ему: “Недавно меня спросили, почему я так плохо говорю по-русски”. Видимо, в тот момент я плохо говорил и по-еврейски, и по-русски. Михоэлс похлопал меня по плечу и сказал по-еврейски: “Мамэ-лошн забывать нельзя”.

В театральное училище меня приняли. Моим педагогом стала великая актриса, не боюсь этого слова, Сарра Давыдовна Ротбаум. Всегда, все годы она очень по-доброму ко мне относилась. Моим учителем еврейского языка был Илья Маркович Фалькович. Это был изумительный человек и замечательный педагог. После окончания училища в 41-м нас двоих, меня и Яшу Барона (он сейчас живет в США) приняли в труппу театра. А в начале войны я пошел в военное училище на Урале, в Камышове, после него попал на фронт. На фронте я командовал взводом автоматчиков, попал в окружение, оказался в плену – бежал, очень удачно бежал. В плену я взял другую фамилию, Гордеев, так с ней и остался.

В спектакле «Суламифь» в роли Ашуга. 1946 год.

В 43-м меня ранили. После операции комиссовали. Вернулся в театр. Михоэлс увидел меня и расцеловал. Подобное с ним случалось не часто...»

А теперь вернемся к «Принцу Реубейни», к воспоминаниям о пьесе А. Герцберга. Итак, Бергельсон читал пьесу, а Михоэлс почти все время комментировал. «Между прочим, он сказал нам, что этот спектакль должен быть ответом многим, кто считал, что евреи не боролись с врагом за свое будущее.

Пьесу начали репетировать в 1947 году. Когда Михоэлс уехал в Минск, был готов один акт. Это была первая моя работа в театре вообще и с Михоэлсом в частности, но все актеры, знавшие Михоэлса давно, говорили, что никогда, даже при постановке «Тевье-молочника» и «Блуждающих звезд», он не работал с таким вдохновением и упорством.

В Минск он уехал после очередной репетиции «Принца Реубейни». Остальное вы знаете...»

После закрытия ГОСЕТа Александр Евсеевич Герцберг стал профессиональным фотографом – хорошим фотографом. Это стало его ремеслом и заработком на долгие годы. Он не участвовал в еврейских театральные ансамблях, возникших в конце 50-х – начале 60-х годов: считал, что после театра Михоэлса любительские труппы, какими бы талантливыми они ни были, не нужны. Был ли он прав? Кто знает, ибо когда из осколков михоэлсовского театра возникли кочующие труппы еврейских актеров, зрители на Украине, в Молдавии да и в России были счастливы и этому.

После последнего спектакля ГОСЕТа. В центре народный артист РФ В. Зускин. Фотография сделана А. Герцбергом. Ноябрь, 1949 год.

Александр Евсеевич все же пришел в театр, но в театр профессиональный, созданный Юрием Шерлингом и Михаилом Глузом, – КЕМТ.

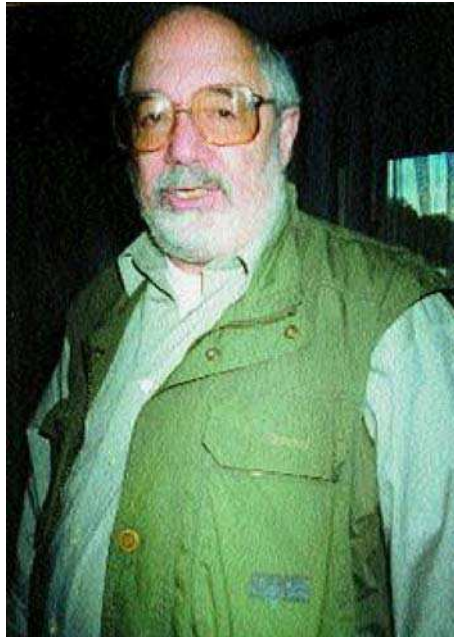
В последний раз я беседовал с Александром Евсеевичем 8 февраля 2001 года. Он опять говорил о Михоэлсе: «Иногда я не вспомню, какой сегодня день, но ничего не забыл, помню каждый жест, каждое слово, сказанное Михоэлсом. В 1947 году, точнее не помню, я оказался свидетелем его разговора с академиком Збарским. Збарский сказал о нем: “Люблю я этого еврея”, – на что Михоэлс ответил: “Не дай мне Б-г попасть в твои руки. Ты из меня сделаешь красавца!”».

Этот черный юмор оказался пророческим. Изуродованное лицо убитого в Минске Михоэлса гримировал Збарский.

Случилось так, что Александр Евсеевич, актер, ветеран Отечественной войны, умер за несколько дней до очередной годовщины казни в августе 1952 года членов Еврейского антифашистского комитета. Умер, к счастью, в своей постели, прожив долгую, интересную жизнь. Память о нем и роли, сыгранные им в ГОСЕТе, останутся навсегда в истории театра и в памяти людей.

Ἰ ἀδὲ Ἑὲὸ ἀέῃ δῖ ἄῃε:

«МНЕ ОЧЕНЬ СИЛЬНО В ЖИЗНИ ВЕЗЛО»

Мирон Маркович Черненко – президент Гильдии киноведов и кинокритиков России, лауреат премии Союзов кинематографистов СССР (1976), Польши (1981), СФРЮ (1986) – личность не только в кинематографии, в киноведении, но и в еврейском движении весьма заметная. Он был инициатором и председателем Оргкомитета всех кинофестивалей еврейского кино в Москве (1991, 1992, 1997). Его книга «Иудаика на советском экране» стала раритетом, другая, посвященная еврейскому кино в России и в СССР, должна выйти в свет нынешней осенью. Без сомнения, она станет событием не только еврейской культуры, но и российской тоже.

В этом году Мирону Черненко исполнилось 70 лет.

– В этом году у вас замечательный юбилей: 70 лет. Вы – человек знаменитый, заслуженный деятель культуры...

– Польши, не России. С Польшей у меня какие-то необъяснимые связи. А родом я из Харькова.

– Боюсь, воспоминания о детстве, проведенном на Украине в ту пору, у вас не самые безоблачные.

– Да, моего отца, видного работника в области финансов, арестовали в 1938 году. Он исчез, а нас с мамой «уплотнили» – оставили от трехкомнатной квартиры одну комнату. В это время жен уже не сажали, а детей не отправляли в детские дома. Так что, если посмотреть на эту драму с точки зрения относительно недавнего прошлого, случившееся с нашей семьей было чем-то вроде советского счастья образца 30-х годов.

Должен сказать, что мне вообще в жизни очень везло. Мои деды и бабки, которые помнили немецкую оккупацию Украины 1918 года, не хотели уезжать в

эвакуацию, когда немцы в 41-м подходили к Харькову. Они вспоминали, как немцы спасали евреев-гайдамаков в 1918-м, и думали, что так будет и впредь. Каким-то чудом один из моих двоюродных братьев буквально заставил нас уехать из Харькова за день до прихода немцев. Спасибо судьбе за то, что она меня «вывезла».

– Вам известно о судьбе отца?

– Моя мать после ареста отца куда только можно все время писала письма в надежде его найти. Ответы приходили: находится на поселении, без права переписки. А когда в 54-м началась еще очень робкая реабилитация, нам выдали отцовские документы, конфискованные при аресте. И всё. Документов дела мы так и не видели.

– Что вам больше всего запомнилось из военного детства?

– Мы попали на Урал, в Златоустье, вели там нормальную голодную жизнь. Я был уже взрослым мужиком – одиннадцать лет, и с этим временем у меня связано много занятных воспоминаний.

Жили мы в рабочем поселке. Никто из местного населения до того не видел в жизни живого еврея. Но что «жид» – это плохо, в голову было вбито крепко. И вот всех нас, эвакуированных, неважно – украинцев, русских, евреев – окрестили «жидами». Однако скоро украинцы и русские объяснили местным, как отличать «жидов», и нас уже метелили все.

Это была очень хорошая школа – мы научились драться. Друзья мне объясняли, что драться нехорошо, и, если на тебя нападают, надо один раз ударить и быстро уходить, пока не пришла милиция.

А потом мы вернулись в Харьков. Нас встретили с большой радостью. «О! Живые жидки вернулись!» – первая фраза, которую я там услышал. Но в отличие от других городов на Украине, в Харькове погромов тогда не было. Небольшие погромы были в Одессе, в Киеве, слухи о них доходили до Харькова, но мой родной город они обошли. В пору «дела врачей» угроза в Харькове опять возникла. Но я повторяю: мне очень сильно в жизни везло. У нас был приятель – в 80-е годы он стал одним из идеологов украинского национализма, – который сказал тогда: «Многих спрятать не могу, а человек пять спрячу в подвале у себя на окраине».

– А что вы помните о 50-х, когда евреев лихорадили слухи о грядущей депортации?

– В отличие от москвичей мы были значительно ближе к реальности и постигали государственную власть не умом – его у нас не было, а чувствовали ее абсолютно, как принято говорить, по-собачьи. И мы были убеждены в 1952–1953 годах, что депортация будет.

– Был ли в вашей юности человек, который оказал бы на вас значительное влияние?

– С детства я знался с Юликом Даниэлем, сыном еврейского драматурга Мойше Даниэля, написавшего много пьес для ГОСЕТа. Позже Юлик известным диссидентом, талантливым поэтом. Некоторое время мы жили в одном подъезде. В пору нашего

знакомства он не учил меня жить, но я все равно у него многому учился. Можно сказать, он и вывел меня в жизнь.

– Мирон Маркович, типично еврейский вопрос: у вас довольно странная для еврея фамилия – Черненко.

– Мои предки с отцовской стороны жили на границе двух империй – Российской и Австро-Венгерской, и работали они на фарфоро-фаянсовых заводах. Были среди них углекопы, и я думаю, что фамилия произошла от этих «черненьких». Мне известна практически вся моя генеалогия, начиная с 1832 года – до этого года у евреев черты оседлости имен и фамилий не было, а уже в 1832-м там были Черненко, точнее тогда фамилия писалась «Чёрненко».

– А как вы стали киноведом?

– Я стал киноведом, потому что не стал юристом. В Харьковский юридический институт я поступил в самом хорошем 1948 году и благополучно его закончил. Только на комиссии по распределению выяснилось, что мой отец – «враг народа». Был грандиозный скандал. Долго потом профессора мне были благодарны, что по сути из-за меня выгнали начальницу отдела кадров, пропустившую такую фигуру.

Потом я был завлитом в харьковской опере, работал агентом Госстраха, техником-сметчиком, экономистом в снабженческой конторе...

Была смешная история. Я рассылал в разные концы бумаги с просьбой принять меня на работу. В конце концов я приехал в Донецк на станцию Микитовка, чтоб стать там юрисконсультom, и на кабинете начальника отдела кадров увидел фамилию: Жидовленков. Когда я зашел, он спросил: «Вы ко мне?» Я сказал: «К вам». – «А вы кто?». – «Я – Черненко». Он посмотрел на меня внимательно и сказал: «А я – Жидовленков». И я понял, что работать мне там не надо. Сел в поезд и уехал обратно.

Я писал прозу и даже печатал у себя в Харькове какие-то стихи ультра-соцреалистические на русском языке. Как-то из Москвы приехали студенты ВГИКа – Саша Алов, который тогда уже сделал первую картину с Володией Наумовым, какой-то оператор, и стали нас «клеить». После их отъезда поступать во ВГИК сразу потянулась куча народу: уехала Люся Гурченко, Юра Сокол, ставший оператором, нынешний оголтело-христианский актер Володя Заманский... Мы с друзьями подались туда только на следующий год. Меня не взяли из-за высшего образования. Но я все же решил «присохнуть» к Москве и в 1958 году поступил на сценарный факультет.

В 1959 году я уже занимался польским кино: переводил, изучал особенности польского кинематографа. Педагогом моим была Екатерина Виноградская – классик советского сценарного дела. А к окончанию института я уже работал в Госфильмофонде, где в польском фонде аннотировал фильмы.

Здесь и состоялась моя первая встреча с тем, что называется «еврейское кино». Среди польских фильмов мне попалось около десятка полнометражных звуковых картин, снятых на идише на американские деньги. Это абсолютный кинематографический феномен, встреча с которым и привела меня, как я считаю, к главному делу моей жизни.

ДОМ НАСТОЯЩЕЙ ЕВРЕЙКИ

Da'ava'ei I ai eda

Многое изменилось в нашей жизни за последние полтора десятка лет, во всех сферах, областях. В новых условиях подрастает новое поколение – поколение перестройки. Выпуск за выпуском вылетает из школьного гнезда. Изменилась и сама школа. Появилось множество школ национальных. Ну кто, к примеру, в конце 80-х мог вообразить, что в самой Москве число не каких-нибудь, а еврейских школ приблизилось к десятку!

Из былых времен помнится популярное словосочетание «семья-школа» и, конечно, то, что еврейским детям (и учителям) в той «семье» далеко не всегда приходилось сладко. Поэтому теперь, отдавая любимых чад в свои, еврейские, школы, так хочется, чтобы им достало тепла, внимания, заботы. И конечно, чтобы был хороший пример, ведь поди, что вокруг творится! Нивелирование национальных традиций, сведение их к умозрительному «национальному минимуму» – кухне, танцам, песням, насаждение «советских» ценностей, насильственная русификация, стойкий государственный антисемитизм сделали свое дело – привели к глобальной ассимиляции, а она сурово прошла по традициям самым сокровенным – семьи и брака. Много ли у нас сегодня крепких, не разрозненных еврейских семей? А дети, не секрет, в первую очередь учатся не на правильных словах, а на примере. Стала бы школа семьей...

Сегодня еврейские школы есть не только в Москве, где в первую очередь новая политика поверяется практикой. Все они по-своему хороши, самобытны, в них нет духа казенщины, бюрократизма. И еще потому, что они невелики, там действительно царит атмосфера, близкая к семейной. (Собственно, откуда взяться у нас большим еврейским школам: одни уехали из страны, другие полностью ассимилировались, третьи по-прежнему живут с опаской: как бы не грянуло снова, не пострадали бы дети, четвертые, хоть и считают себя евреями, но совершенно убеждены, что образовательный уровень в национальной школе не может быть высоким.).

И все же среди всех в российской с

толице есть по крайней мере одна наипособенная школа – школа-семья, у которой с бывшими советскими учебными заведениями уж точно ничего общего. Нам с дочкой по-настоящему повезло, когда мы там оказались. «Бет Егудит», или по-русски

«Дом еврейки», – это настоящий еврейский Дом, и создала его удивительная женщина, израильтянка бельгийского происхождения Ривка Вайс.

«Бет Егудит» – негосударственная традиционная школа. Есть в ней все теперь уже ставшие привычными для еврейских учебных заведений «бытовые атрибуты» – доставка детей, кошерное питание, маленькие классы. Но в отличие от большинства других в этой школе возможен полный пансион, причем недавно по соседству со старым ее зданием появилось новое – такого роскошного, благоустроенного общежития нет ни у одной еврейской школы в российской столице! А главное, чем особенно выгодно отличается «Бет Егудит», это тем, что в жизни учащихся постоянно присутствует пример семьи – такой, каких у нас в стране, увы, единицы. Я говорю о семье Ривки и раввина Давида Вайса. У них шестеро взрослых детей – две дочери и четыре сына (младшие сын и дочь еще не создали собственных семей) и четырнадцать внуков – «две меноры», как говорит счастливая Ривка: семь мальчиков и семь девочек.

Семья Вайсов патриархальная и современная, с богатыми еврейскими традициями, она и определяет атмосферу школы. По еврейским праздникам дети из Израиля, США стараются теперь уже со своими детьми приехать в Москву повидаться с родителями, а поскольку родительская жизнь почти без остатка связана со школой, то и для них школа – дом. Некоторые из детей Вайсов здесь периодически преподают традиции – они выросли на них, по ним живут. Жена старшего сына Шмуэла Надя (кстати, она москвичка, одна из первых учениц Ривки Вайс и, по мнению Ривки, самая лучшая), известна в школе как превосходный преподаватель иврита. Столь блестящее владение языком имеет романтическую предысторию. Выпускница английской спецшколы и получивший традиционное образование потомок раввинов Шмулик, познакомившись, так понравились друг другу, что их судьбы уже никому не представлялись врозь. Тогда Надя достойно продемонстрировала свой характер – к свадьбе овладела языком настолько, что уже свободно говорила с новой родней и множеством именитых гостей на иврите.

Ривка Вайс со старшим и младшим сыновьями Шмуэлом и Иероликом и старшей дочерью Леей

У Шмулика свои таланты: несколько лет он был раввином в общине, зарегистрированной при школе (а таковая есть!), и кантором одновременно. В рыжеволосом богатыре Шмулике столько доброты, дети его обожают! А как танцует он на Симхас Тойру, посадив себе на плечи один на другого двух мужчин!.. Какие в «Бет Егудит» бывают праздники, пуримные карнавалы! В этом доме уникальный дух, особенный колорит.

Школа Ривки Вайс в Москве одна из самых первых еврейских школ. Как она создавалась, об этом чуть позже расскажет сама Ривка. А пока о том, какая она сейчас. В

школе обучается 100 – 120 детей, выпускники получают государственные аттестаты. Учиться сюда приезжают со всей страны – двери открыты, было бы только желание научиться тому, что здесь могут дать. Разумеется, Ривка высоко ценит интерес к традициям, пылливость, любознательность, умение ставить перед собой цели и настойчиво их достигать и, бывает, отличившихся учениц лично доводит до самой хупы (свадебный балдахин, под которым происходит брачный обряд). Я говорю «учениц», потому что мальчики в школе появились относительно недавно – 4 года назад, и учатся пока в 1-м – 6-м классах.

Не могу не отметить такой нюанс. Само собой, 99,9% детей приходят в школу из семей, где о еврейских традициях не имеют представления, приходят с разной мотивацией, иногда со смешанным чувством боязни и любопытства. Приходят с представлениями о жизни, с манерами, поведенческими моделями, принятыми в современном обществе со всеми его проблемами, а через пару лет на этих детей уже любо-дорого смотреть. И это не внешний «глянец», а результат глубинных изменений. Не раз я слышала от выпускниц: «Не представляю свою жизнь, если б не оказалась у Ривки».

Ривка по сути своей стопроцентная мать (нет, не лелейная, бывает, взыскательная, строгая!), и чем больше детей, вообще людей собирается вокруг нее, тем больше она хочет для них сделать и, главное, чего бы это ни стоило, находит такую возможность! Глядя на нее, я нередко вспоминаю о прапавителнице Ривке: красивая, праведная, деятельная, многим ведающая в семье, большой груз взвалившая на свои плечи. Однако, слава Б-гу – Эйсава не родила, все сыновья раввины.

Надо сказать, общеобразовательная программа и предусмотренный объем преподавания традиции – только половина того, что может дать эта школа. Я уже говорила, при «Бет Егудит» существует община, в которую входят лучшие представители религиозной еврейской интеллигенции Москвы, в том числе преподаватели ряда московских вузов, работает колель для взрослых. Преподают и читают лекции известные раввины Израиля, Англии, Бельгии, США, сам раввин Давид Вайс – настоящий мудрец Торы. Среди спонсоров школы – цвет религиозной элиты мира (Ривка из богатой, известной в еврейском мире своими традициями семьи, и, конечно, значительную роль играет авторитет семьи мужа). По существу в школе складывается большое межгосударственное еврейское братство – такого не сбросить со счетов!

Кто попадает в школу, на ее орбиту, погружается в самобытный, богатый духовный мир, естественно отфильтровывающий тот негатив, который несет в себе сегодняшняя реальность. Один пример. В школу приехали представители районного отдела образования и службы, отвечающей за прививки, повели с собравшимися родителями разговор... о наркотиках, о ранних половых связях, но нет резонанса! Завуч вежливо объяснила выступающим: «В нашей школе таких проблем нет».

Ривка и р.Давид Вайсы с главным раввином России Берлом Лазаром на открытии нового общешития.

Обращаясь к родным традициям, позволяя и помогая это сделать детям, можно предупредить многие беды. А здоровая и крепкая семья – разве это не главное, что мы желаем им всегда?! Кстати, дети, приобщаясь к еврейским традициям – причем нередко из-за этого сталкиваясь с сарказмом родных, близких, друзей, – в конце концов своим примером и в них пробуждают интерес к евреиству, как минимум уважение.

Я сама впервые соприкоснулась с традицией в начале перестройки, еще до рождения ребенка, и вот что уже вскоре с радостью поняла. Как известно, национальное и религиозное у евреев неотъемлемо связаны. И то, и другое в корне отлично от всего, что мы привыкли наблюдать у других. Например, еврей не должен отрешаться от действительности или уходить в монастырь – он о б я з а н жить в самом ее круговороте, динамично преобразовывая все вокруг. Ханжество ему не к лицу. Еврею не заказаны радость и удовольствие (в рамках Торы), греховны не они, а отсутствие чувства меры. Это чувство важно сохранять и в религиозной жизни: фанатизм в иудаизме считается явлением ненормальным и архивредным. А главное, с традицией прежде эклектичный, полный случайностей мир становится в сознании человека миром закономерной и справедливой последовательности, обретает цельность – жизнь наполняет глубокий смысл. Вот буквально на пальцах о первом, что радует и удивляет. Насколько глубоко погружаться в традицию, каждый решает сам, никто ничего не навязывает. В школе Ривки Вайс мы с дочкой еще раз во всем этом убедились.

Что касается школьниц «Бет Егудит», то, глядя на них, имея с ними дело, радуешься, такому поколению. Особенно дорого, что старшие дети бережно, заботливо относятся к младшим, ничем не демонстрируя своего превосходства, держатся с ними наравне, со взрослыми тоже держатся на равных, уважительно. Дети стараются решать проблемы, как в хорошей семье. Агрессивность, если кому-то она поначалу присуща – в силу личных качеств и свойств или из-за домашней атмосферы, – сохраняются здесь не более 2–3 лет. Немалая роль в создании школьной атмосферы у мадрихот – воспитательниц, которыми в «Бет Егудит» становятся некоторые старшеклассницы или выпускницы, обучающиеся на семинаре.

Но, конечно, и в этот особенный мир прокрадываются современные проблемы. Мне грустно было видеть двух старшеклассниц, закуривающих по дороге домой, и то, как не дождавшись окончания Йом Кипура (один из двух самых строгих в году постов, который называют Субботой Суббот, в него запрещена любая работа), девушка стала гладить одежду, заботясь о дальнейшей своей программе, но... Таких или иных никто не преследует, как бывало в советских школах, не разбирает на «линейках»: за каждым остается его собственный выбор, как, впрочем, и его, этого выбора, плоды. Ривка не

считает, что право на свободу у детей необходимо ограничивать; организовывать их, занимать – другое дело. Тем не менее примеры, о которых я говорю, – исключение, а не правило. Как недооценить семью Вайсов, тон, который она задает?

Если уж мы заговорили о старшеклассниках, то надо сказать, какие у выпускников перспективы. У них есть резон, окончив школу, задержаться: в течение года довести до совершенства английский язык (для этого есть специальный курс, к тому же в школе уникальная практика – сюда постоянно приезжают девочки из Англии и, конечно, из Израиля), владение компьютером, за два года пройти специальный семинар, получив диплом преподавателя традиции, который признается в Израиле и США. Есть возможность продолжить учебу в Москве, в Израиле и Англии. Для тех, кто хочет продолжить традиционное обучение и получить специальность, семья Вайсов недавно открыла в Израиле специальное учебное заведение, которое возглавил Шмуэл Вайс. Есть возможность, пройдя конкурс, поступить в израильский технион «Махон Лев» – у Ривки договор с этим учебным заведением, своих выпускниц, поступивших туда, она поддерживает материально. А если кто-то хочет после школы подработать, Ривка и в этом старается помочь.

Повторюсь: ничего здесь не навязывается, все по доброй воле. Школа – как маленькая страна детей. Только в одном Ривка Вайс безусловно категорична: сознательного неуважения, дерзкой демонстрации его по отношению к еврейским ценностям она не простит и укажет на дверь. Был случай, когда хорошей ученице пришлось уйти из школы из-за родителей. Но, слава Б-гу, такие случаи единичны. Ривка вспоминает те инциденты с болью.

Ривка Вайс необычайно деятельный, творческий человек. Если это может быть пунктиком, то ее пунктик – прогресс. О таких иногда говорят «голова в раздумьях, сама в эксперименте». На сколько ее хватает, чтобы приобщить детей к родным еврейским традициям, к различным искусствам! Здесь обучают игре на скрипке, есть школа рисования, уроки традиционного танца, самодеятельный театр, который практически каждое лето выезжает за рубеж на гастроли (у тех, кто приходит в школу на полный пансион, в этом плане больше возможностей, ведь творческие занятия проходят после уроков). Я говорю обо всем этом не с чьих-то слов – сама знаю и, возможно, из всего, что сегодня имеется в школе, могла что-то не упомянуть.

Субботняя трапеза в «Бет-Егудит».

Яркая, эффектная, элегантная женщина, Ривка, решая множество школьных и семейных проблем, ведет уроки, нянчит внуков, по одним делам летит в Израиль, по другим – в США... Ну конечно, она устает. Но ни разу мне не приходилось слышать от нее даже намека на жалобу, что тяжела участь... Такой мне и видится настоящая еврейка.

Не хочу сказать, что у школы «Бет Егудит» нет никаких трудностей, но они разрешимы. С большинством вопросов справляется сама Ривка, в иных помогают спонсоры, порой и родители школьников.

Здесь надо заметить: все еврейские школы выгодно отличаются еще и тем, что ни на йоту не ориентированы на то, чтобы тянуть на те или иные нужды с родителей, становясь для них тяжким бременем на многие годы. И в этом школа, как хорошая семья – в первую очередь стремится давать, а дети пусть уж оплатят результатом своих стараний!..

В той или иной мере я знакома со многими директорами московских еврейских школ и должна сказать: все они подвижники, люди особенные, даже по-своему необыкновенные. На пепелище начинать новую жизнь, растить новое поколение крепких, национально полноценно ориентированных людей – разве любой это сможет?! И все же к Ривке Вайс в нашей семье отношение особое, и школа ее до сих пор нам с дочкой как родной дом.

Праздник прощания с начальной школой.

По сути, рассказ о Ривке – рассказ о «Бет Егудит» и наоборот: это дело ее жизни, в лучшем смысле слова ее бизнес, ставший неотъемлемой частью жизни ее семьи, в которую – по большому-то счету – и приходят наши дети. И всегда в первую очередь – это настоящая патриотическая работа во имя возрождения российского еврейства. Именно национальный патриотизм привел в Россию в самом начале перестройки рава Давида с женой и тремя младшими детьми. И, учитывая предыдущую историю нашей страны, в таком их решении была значительная степень риска. Любовь к своему народу, традициям, смелость, способность к продуманным, решительным действиям – на этих дрожжах замешаны все Вайсы. Придет время, и о таких людях, я уверена, напишут хорошие книги.

Пуримский карнавал.

Надо бы уже в моем беглом очерке поставить точку, но не могу удержаться еще от одного штриха. В начале 90-х годов Ривка арендовала под школу здание бывшего детского сада на улице Клары Цеткин (там школа и поныне). На большой стене актового зала она обнаружила Кремль. «Кремль? Отличная идея!» – подумала Ривка, и вскоре на той же стене появился Котель а-Маарави – Западная Стена, Стена Плача. Прибывшей очень скоро комиссии из РОНО Ривка Вайс приветливо и с достоинством объяснила: здешние ценности дети уже впитали, надо приобщаться к еврейским. И что? Стоит Котель а-Маарави! За спиной Ривки Вайс стоит Стена.

– Ривка, расскажите, пожалуйста, о родителях. Я слышала, у вас хасидские корни.

– Это не совсем так. Мой папа был близок к Любавичскому Ребе и его двоюродному брату, тоже Шнеерсону. Во время второй мировой войны брат Ребе был во Франции, в Марселе он открыл ешиву.

Мой папа бельгиец. Его родители поселились в Бельгии, когда ему было три года. Потом они убежали во Францию. Там в 25 лет папа и познакомился с семьей Шнеерсонов. Всю войну он учил мальчиков в их ешиве, занимался Торой. Сразу после войны папа женился, и скоро родилась я. Всего нас в семье 9 детей. Потом он ездил к Шнеерсонам в Америку, с их семьей сохранились близкие отношения. Так что не могу утверждать, что у меня хасидские корни, но папа очень близок к этой любавичской семье, ему близки их идеи.

– По мужу вы Вайс, а по отцу?

– Зильберштейн. Наша семья тесно сроднилась с хасидской семьей Каминецких. Брат мой женился на настоящей любавичской женщине из семьи Каминецких, она сестра раввина Шмуэла Каминецкого из Днепропетровска. Папа Шмуэла, – брат моей тети, то есть Шмуэл – мой двоюродный брат. У нас есть одна общая тетя.

Я всегда была очень близка к Хабаду. Люблю открытых людей, мне всегда интересно что-то делать для нашего народа, идея любви к еврейскому народу мне близка – это хабадская идея. Когда я вышла замуж за р.Вайса, настоящего «литвака», он оказался очень толерантным человеком, ему это тоже близко.

– Рассказывают, вы встречались с Любавичским Ребе?

– Тетя настойчиво направляла меня к Ребе, и я ездила в Америку еще ребенком. Я сама попала к Ребе, потому что мне было это интересно. Он долго беседовал со мной. После этого многие ребята из любавичской ешивы хотели на мне жениться.

В то время мне было 18 лет. Я открыла в Бельгии школу – училась в университете и каждую неделю ездила в город Льеж (недалеко от Франции) давать уроки. В синагоге, не очень ортодоксальной, я собрала детей от 5 до 10 лет, учила их еврейской истории – типичное любавичское дело. Ребе очень понравилось то, что я ему рассказала о себе, и он стал присылать мне в помощь книги на французском. Тогда он сказал, что такой человек, как я, может когда-нибудь стать посланником в Россию.

Мой брат Зуша Зильберштейн живет в Монреале. Когда я передала ему эти слова Ребе, он очень обрадовался: «Видишь, Ребе уже знает, что ты попадешь в Россию!» Но тогда об этом не было и речи. Я не могла и подумать, что действительно окажусь здесь. А когда с мужем мы все-таки отправились в Москву, я взяла с собой книги о жизни еврейской женщины, которые получала от Ребе. Почти 11 лет мы в России.

– Так как все же получилось, что вы сюда приехали?

– Когда мой муж решил открыть здесь ешиву, мне было 43 года. Тогда у меня был бизнес в Израиле, два внука, и я боялась России. Но, приехав сюда, я посетила только что открытую Кунцевскую ешиву (ешиву р. Штейнзальца на территории бывшей дачи Промыслова в Москве. – Р.Н.), там были девочки, и я решила им преподавать. А муж открыл ешиву на Ленинском проспекте, недалеко от гостиницы «Спорт». Все это настоящая семейная программа, мне она понравилась.

На Пейсах в квартиру, которую снимали, мы пригласили 75 человек, но пришло 150. Было ясно, что здесь очень много работы, и люди хотят быть евреями. Тогда мы перевезли сюда всю семью и стали работать. Мне понравилась Москва – замечательный город!

– География вашей семьи, вашей судьбы очень обширна. Сколько вы знаете языков?

– Много! Французский – мой родной, фламандский – тоже, идиш – настоящий родной, иврит учила в школе, там же английский и немецкий, испанский – так как хотела быть переводчиком, русский – так было необходимо. Я люблю общаться, говорить с людьми. А переводчиком я работала в Израиле.

– Сегодня, когда ваше имя хорошо известно всей еврейской Москве, а школа размещается в двух- и трехэтажном зданиях, наверное, даже трудно представить, что десяток лет назад начинали с нуля?

– Я помню все это слишком хорошо! Во-первых, мы приехали сюда зимой в 37 градусов мороза. Первую Субботу провели в Кунцевской ешиве. Все было непривычно... Евреи консервативно воспринимают изменения, зато традиции держат.

– Как вы начинали свое дело? Нашли спонсоров...

– Не было ни спонсоров, ни программы – только три девочки: врач, медсестра и еще одна, которые хотели все знать о еврейской жизни. Постепенно группа выросла до 17 человек. Занятия проходили в квартире, которую мы снимали. Я видела, что люди недоедают, и стала для них готовить. Затем в группе было уже 30 человек, они приходили каждый день. Шестеро у меня жили постоянно, на Субботу оставались все.

В 1991 году мы арендовали помещение на Соколе и устроили там общежитие для девочек (Ривка арендовала первый этаж в общеобразовательной школе. – Р.Н.).

Тогда у нас уже была идея: наши девочки тоже должны потом преподавать, открывать подобные учреждения. Раввин Мойше Соловейчик из Цюриха, узнав об этой идее, мне сказал: «Открывай школы», – и послал сюда на помощь российским евреям более 20 человек.

– А это здание на улице Клары Цеткин вы давно арендовали?

– 7 лет назад. Мы тогда поставили перед собой цель объединить общеобразовательную программу с духовным учением: не религиозным, а именно духовным. Одна из проблем России – в большой степени отсутствие духовности: нет ничего, кроме материи, материалистического сознания. Культура – тоже материя, она может быть высокой, как и человек, но не до Неба! Духовность – выше человека. Коммунизм вытеснил духовность даже из религии. Если в сознании нет Б-жественного, человек горд, нахален. Когда на Ленинском проспекте я увидела памятник Гагарину, подумала: «Б-же мой! Вавилонская башня!».

И все же люди стремились к духовности, хотя им многого не доставало, например, доброты, а без этого нет ничего настоящего! Я буду тебе делать добро, потому что я понимаю, что надо делать, а когда не понимаю, то уже не надо? А когда не понимаю или надоело – не надо? Для этого есть заповедь, и даже если не любишь, надо уважать каждого, потому что он человек.

– Зеев Вагнер, один из самых добрых людей, которых я знаю, как-то сказал, что самая трудная из заповедей – «Возлюби ближнего, как самого себя».

– Это точно, потому что далеко не всегда мы хотим это делать. Я очень благодарна Б-гу за возможность быть в России, где очень многому научилась и еще многому, знаю, надо научиться. У меня такое чувство, что до приезда сюда мы жили в ограниченном, замкнутом пространстве. Что от нас требовалось?.. Когда слишком хорошо, человек расслабляется. Надо быть очень высокодуховным, чтобы не расслабиться. Это сложно. А в России мне надо было адаптировать, выучить людей... Когда делаешь для других, столько для себя открываешь!

– Оказаться здесь с началом перестройки уже было не так сложно, но не каждый смог бы так жить, как вы.

– Я вижу для себя здесь такие возможности, которых больше нет нигде. Когда идет речь о развитии человека, на сложности можно не обращать внимания...

Не могу не прокомментировать эти слова. На мой взгляд, в них – а именно «на сложности можно не обращать внимания» – и открывается один из секретов успеха всех

Ривкиных начинаний. Это метафизический секрет: если видишь перед собой гору, большую, из крепкого камня, что остается, как только обходить ее или с усилиями преодолевать ее крутизну? А если сумеешь увидеть (!) отсутствие горы, вместо нее ровную, мощеную дорогу, то реальную гору можно пройти насквозь. Для великих мистиков это – факт. Но Ривка считает себя реалистом. Сколько бюрократических, идеологических и прочих -ических гор пришлось ей преодолеть! Вспомним нашу зашоренность, задраенность конца 80-х – начала 90-х!

– Наши жилищные условия тогда были очень плохими... Это было ужасно, я ведь из богатой семьи. Но не это главное. Когда живешь в трудных условиях и вынужден поступаться привычным, развиваешь в себе многое другое.

– **Вы в 1990 году впервые приехали в Россию, а я – в Израиль. Помню небывалое ощущение, будто растворяюсь. Вокруг все было святым, и не было такой потребности, как здесь, тянуться к Б-гу. А в России все стискивало, «выдавливало» вверх. Конечность человеческой жизни была ощутима физически...**

– К сожалению, сейчас в Израиле большие проблемы. Люди стали бояться молиться у Котеля, трудно даже собрать там миньян. Но мы многое открыли в Израиле.

Я маленький человек и люблю маленькое дело, которое постепенно растет. Начинала я, как семья: сначала один ребенок, потом два и так далее – я так люблю работать. И в Израиле один за другим открыты университет и семинар для девочек, прошедших трудный путь изменения своей жизни, которые хотят жить как настоящие евреи, вести религиозный образ жизни. У нас есть договор с технионом «Махон Лев», для нашей религиозной молодежи мы спонсируем все: питание, жилье. Мы организуем и поддерживаем такие учебные заведения, где объединены профессиональное и религиозное образование. Надеемся, все это будет на благо Израиля.

– **А какие перспективы вы видите в России? О чем мечтаете?**

– Я мечтаю с открытыми глазами. Сегодня в Москве достаточно еврейских школ, но среди них нет специальных. Хочу сделать школу специальной – для девочек с гуманитарным уклоном, для мальчиков с технологическим: маркетинг, компьютер, менеджмент. Буду повышать качество образования, уделять внимание индивидуальному подходу. Важно, чтобы языки давались, как в спецшколах, были предметы на языках. Найти преподавателей не проблема, специалисты есть, но это требует много средств.

И еще я хочу, чтоб наши выпускники имели возможность, поступив в институт, оставаться жить у нас в общежитии, не отрывались от своей привычной среды. В этой школе все себя чувствуют, как дома, в настоящем еврейском доме для всех.

Когда я думаю о «Бет Егудит», одним из первых ярких воспоминаний всплывает в памяти картина праздничных и субботних трапез, где многочисленные гости за большими, щедро накрытыми столами сидят плечом к плечу. Во главе центрального стола – раввин Давид Вайс с сыновьями, невестками; ближе к кухне, у самого выхода из зала столовой – Ривка. Она никогда не бывает праздной, не поживает на лаврах – трудится, как пчела. Благословенная еврейская мать!

«...Добывает она шерсть и лен и с охотой занимается рукоделием. Она, подобно кораблям торговым, издалека приносит свой хлеб. Поднимается она затемно, подает еду домашним своим и дает задания служанкам. Задумает купить поле – и приобретает его, на заработанное руками своими покупает участок и сажает на нем виноградник.

Препоясывается она силой, и руки ее крепки. Наслаждается она успехом торговли своей; и ночью не гаснет свеча, при свете которой она работает... Подает она бедному милостыню на ладони, руку с подаянием протягивает она нищему... Могущество и великолепие – облачение ее и с улыбкой ожидает она грядущий день» (Мишлей, 31:13-19, 20, 25).

Оттого и есть в ее доме и свет, и тепло, и мед – для всех, кто сюда приходит.

В ГРУЗИИ: 26 ВЕКОВ ВМЕСТЕ

Éàíéä Ýé:èñ

История евреев Грузии начинается уже вскоре после разрушения Первого Иерусалимского Храма. Все 26 веков их жизни на этой благодатной земле - уникальная часть всемирной истории еврейского народа. Нельзя утверждать, что община совсем никогда не подвергалась преследованиям, ущемлению религиозных и этнических прав, не знала общественного и политического антисемитизма, но объективно говоря, эти несчастья, кроме того что были локальны, никогда не бывали инициированы грузинами. И это принципиально отличает историю евреев, живших среди грузинского народа. Такой наиважнейший фактор и возможность отстаивать свои религиозные и национальные права привели к историческому повороту в политике ГССР в отношении репатриации евреев в Израиль.

Активное национальное самосознание евреев, сложившееся благодаря доброжелательному моральному климату Грузии, нашло свое отражение в массовой эмиграции начала 1970 годов. Надо сказать, у Грузии давно сложились хорошие отношения с государством Израиль. И в трудный для Грузии период 1992-1993 годов Израиль одним из первых иностранных государств открыл свое посольство в Тбилиси и начал посылать туда гуманитарные грузы: медикаменты, одежду, продукты питания, различное оборудование.

В сентябре 1998 года Грузия праздновала 2600-летие совместного проживания грузинского и еврейского народов. Такая значительная дата была отмечена на государственном уровне крупными торжественными мероприятиями.

«Это одно из важнейших исторических мероприятий, на которых мне довелось присутствовать за весь период моей деятельности», – заявил на состоявшейся 9 сентября 1998 года встрече с президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе глава израильской делегации, ныне президент Израиля Моше Кацав. – Мы еще не можем полностью оценить огромное значение этого мероприятия, ведь мы говорим об истории 26-векового мирного сосуществования...»

Сегодня в Грузии по разным данным от 8 до 12 тысяч евреев, большинство из них проживает в столице. В Тбилиси две синагоги, ашкеназская и сефардская, есть ешива-

колель «Ор Эмет», школа-хедер «Тиферет Цви». Большую работу ведет религиозная еврейская община, возглавляемая главным раввином Грузии Ариэлем Левиным.

Как и в странах СНГ, с общиной работают представительства Еврейского агентства и «Джойнта», благотворительные организации «Рахамим» и «Хэсэд». Действуют здесь и общеобразовательные школы, и детские сады, и, конечно же, ульпаны. Открыты Еврейский университет, Институт социальных работников.

Хедер в Грузии. 1970-е годы.

Но вернемся к уникальной дате, которую три года назад отметили грузинский и еврейский народы. Первое упоминание о евреях в Грузии содержится в летописи «Картлис цховреба», она-то и связывает их появление в стране с разрушением Первого Храма (586 год до н.э.). Древнейшее археологическое свидетельство пребывания евреев на территории Грузии – могильные камни с надписями на арамейском и древнееврейском языках близ бывшей столицы Грузии Мцхеты, датируемые III–IV веками. К сожалению, очень мало сохранилось сведений о судьбе грузинских евреев в средние века, нет подробных описаний их жизни в эпоху независимости и процветания Грузии (1089–1213), начавшуюся при царе Давиде Строителе. Впрочем, Марко Поло, посетивший эту землю в 1272 году, отмечал, что «в Тифлисе живут христиане – грузины и армяне, а также мусульмане и евреи».

Евреи в Грузии традиционно занимались торговлей: среди них было много лавочников и коробейников. Некоторые кустарничали, многие держали коров, овец, обрабатывали небольшие сады и виноградники. Те, кто не владел имуществом, часто получали от феодала дом и участок земли, право торговать и служить приказчиком в хозяйской лавке.

Натан Элиашвили в своей книге об истории грузинских евреев (1926) утверждал, что грузины по природе своей гостеприимны и сердечно приветствуют у себя в стране каждого пришельца. Принять евреев с почестями они считали своим моральным долгом, поскольку полагали, что любимая и чтимая грузинским народом царская династия Багратидов еврейского происхождения.

В первой половине XIX века в Грузии наблюдался экономический расцвет, который естественным образом ощутили и евреи. Прокладка шоссейных и железных дорог, расширение портов, развитие промышленности и сельского хозяйства способствовали оживлению торговли, что привело к значительным демографическим изменениям. Целые общины переселились из сел в города. Новые общины возникли в

Сухуми, Поти, Батуми, вдоль всего Черноморского побережья. Значительно выросла весьма малочисленная тогда община Тбилиси.

Президент Грузии Эдуард Шеварднадзе в тбилисской синагоге на мероприятии, посвященном 2600-летию совместного проживания грузинского и еврейского народов. Сентябрь 1998 года.

Включение Грузии в состав Российской империи в 1801 году изменило экономическое, политическое и общественное положение евреев. Сначала они приветствовали российское правление, но вскоре ощутили его антисемитизм. Юдофобские настроения принесли в Грузию царские чиновники и русская православная церковь. Сложилась атмосфера фанатичного мракобесия: начались обвинения в ритуальных убийствах, вызвав волну антиеврейских выступлений и актов насилия.

Были в присоединении Грузии к России и положительные аспекты: постепенно установились связи между грузинскими и российскими еврейскими общинами. Указ 1804 года, включавший Кавказ в черту оседлости, позволил селиться в Грузии российским евреям. Их привлекали широкие экономические возможности и мягкий климат. Ашкеназские евреи обладали профессиями, так или иначе способствовавшими проникновению в Грузию русско-еврейской культуры: среди них были фармацевты, врачи, портные, ювелиры, часовщики, а также поставщики российской армии.

Общение между местными и приезжими евреями поначалу было весьма ограниченным. Они не знали языков друг друга, их разделяла стена неприятия. Наладить подлинное сотрудничество двух еврейских общин впервые попытались сионисты. Вообще идеи сионизма начали распространяться среди грузинских евреев уже во второй половине XIX века, благодаря чему сотни семей выехали в Эрец Исраэль. В 1897 году в Грузии возникла первая сионистская организация, которую создали приверженцы движения «Хаскала».

Как бы ни складывалась жизнь грузинских евреев, какие бы веяния ни ощущались, определяющей в ней всегда была роль Эрец Исраэль. Натан Элиашвили писал: «Любовь и стремление к Эрец-Израэль было глубоким. Всю жизнь еврей мечтал уехать в Эрец Исраэль или хоть раз увидеть ее своими глазами, или умереть там на склоне лет».

Святая земля имела первостепенное значение и для христианской Грузии. Столетиями грузины-христиане совершали паломничество в Палестину, строили там церкви, монастыри. Грузинские монастыри появились на горе Синай, в Вифлееме, в Иерусалиме, самым популярным среди них считается иерусалимский монастырь Святого

Креста, где по преданию похоронен Шота Руставели, величайший грузинский поэт XII века.

С обретением независимости в 1918 году свободная Грузия просуществовала три года до падения меньшевистского правительства в марте 21-го, а когда пришли большевики, евреи поверили в обещанные ими блага. И начало действительно было впечатляющим: власти не вмешивались в религиозную жизнь, открывались еврейские школы, культурные центры. Затем наступили иные времена. Репрессии 1937 года, конечно же, не обошли и грузинских евреев. Не обошли их и национально-религиозные преследования, проводившиеся на всей территории Советского Союза, которые в годы войны несколько ослабли, но затем возобновились едва ли не с удвоенной силой. Волна антисемитизма, поднявшаяся в СССР в начале 50-х годов, привела к многочисленным арестам среди еврейской интеллигенции Грузии. Было арестовано немало религиозных активистов.

Главные раввины России и Израиля на мероприятии, посвященном 2600-летию совместного проживания грузинского и еврейского народов. Сентябрь 1998 года.

В 1950-е годы экономическое развитие Грузии ускорилось, и материальное положение евреев стало улучшаться. В 60-х годах сотни евреев обучались в вузах, шли в науку, промышленность, искусство и вскоре заняли в обществе видное положение. При этом большинство сохраняло религию и традиции своих предков. Несмотря на более чем полувековое коммунистическое господство грузинские евреи по сей день продолжают соблюдать завет обрезания, собственный свадебный ритуал, законы кошерности, они отмечают Субботу и все еврейские праздники. Общины Грузии всегда заботились о кошерной пище, выпечке мацы и финансовой поддержке синагог, чего в период советской власти не наблюдалось в российских общинах.

Борьба грузинских евреев за право выезда в Израиль стала одним из важных факторов, которые привели к исторической перемене в политике советского правительства по отношению к еврейской эмиграции. В 1969 году 18 семей первыми из евреев СССР обратились в Комиссию по правам человека при ООН. Активное пробуждение национального самосознания евреев нашло свое отражение в массовой эмиграции начала 70-х годов, когда в Израиль из Грузии выехали около 30 тысяч человек.

Уже после распада СССР многие грузинские евреи побывали у своих родственников в Израиле, а те стали бывать в краях, где родились. Это оказало большое воздействие на различные стороны жизни евреев Грузии: возросло национальное самосознание, активно стала развиваться культура, в еврейскую жизнь вовлекается

больше молодежи. В то же самое время уехавшие из Грузии ощущают свою глубокую связь с грузинским народом и солидаризуются с его борьбой за самоопределение. В Израиле они составляют крепкое братство и сохраняют грузинский язык.

ДВА ГОЛИАФА

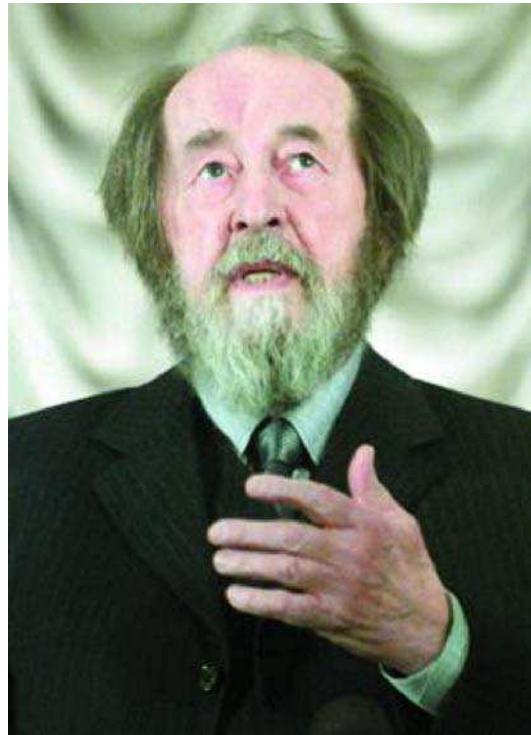
Аאאא א אדעעע

Хотелось бы обратиться к ироническому тону: вот, еще один объяснитель русско-еврейских отношений объявился на нашу голову, он нам сейчас все растолкует, все расставит наконец-то по своим местам... Хотелось бы – да не могу: речь идет о Солженицыне.

אי דעיא אדעע

איו א דא א אאאע אא

א. יעא דאעא

Если б не Солженицын, не бронзово-гранитный Солженицын, с его рассекшей великий лоб морщиной, похожей на рубец от удара палаческим кнутом, – можно было бы книжку «Двести лет вместе» смело выбросить в ближайшую мусорную урну: бездарный труд ловца вполне случайных цитат, набившие оскомину перепевы и пересвисты о том, что русские еврей-де сами виноваты во всех своих несчастьях (унтер-офицерская вдова, с позволения сказать, сама себя высекла), что погромы явились естественной молодецкой реакцией коренного народа на еврейскую алчность, наглость и мятежное антиправительственное бунтарство (дело житейское – вон, и у американцев суд Линча неискореним), что расследование по делу о смаковании евреями крови христианских младенцев оставляет место для глубоких сомнений... Сочинений подобного рода немало было произведено на свет Б-жий настоящими интеллигентами-антисемитами, «образованцами» и натуральными жидоморами, преследуемыми житейскими неудачами и горьким ощущением неполноценности в гуще родного народа, посреди красивых березовых рощ.

Не примитивный, луково-редечный антисемитизм Солженицына вызывает горечь по прочтении «Двести лет вместе» – у того же Шульгина, обильно цитируемого автором, все это получалось куда ярче и талантливей – а ощущение полного литературного крушения автора «Матрёнина двора», «Ивана Денисовича», заключительных глав «Ракового корпуса». Крушения, подкатившего к писателю с «Красным колесом» – в его нераспутываемых узлах, в его костлявом кунсткамерном языке. «Красное колесо» – неосуществившееся дело всей жизни – вышло из колеи и поскакало, теряя спицы, по камням и колдобинам. А сверкающие колеса русских эпопей – «Война и мир», «Тихий Дон», «Жизнь и судьба» – продолжают свой уверенный ход... Крушение первейшего, главнейшего литературного замысла – открытие единственной правды отечественной истории – и такого гиганта, как Солженицын, способно искалечить.

Да существует ли правда в последней инстанции? Или у каждого правда все-таки своя, и вывести общий знаменатель правд никак невозможно? «Можно!» – утверждает находящийся «на исчерпье» Александр Исаевич Солженицын в «Двести лет вместе». Это самое «исчерпье» дает нам право предположить, что сочинением о русско-еврейских отношениях писатель завершает свои воистину титанические правдоискательские труды.

Не вижу смысла последовательно цитировать цитатник, коим представляется мне «Двести лет вместе»; составитель немало потрудился, собирая и подбирая. Расположение цитат, однако же, насторожит и слепца с его палкой: каждый новый ход, каждое новое движение автор открывает обширной антисемитской цитатой, – а вслед за тем, «справедливости ради», обращается к носителям противоположных или несопадающих взглядов, по большей части евреев. Трюк этот хорошо знаком профессионалам из средств массовой информации, из цеха промывки мозгов: на информируемого результативно воздействует лобовое утверждение, а не окольное опровержение. Вряд ли Солженицын ставил своей целью промывку мозгов соотечественникам, но и не догадываться о результатах своих упражнений он едва ли мог.

Недолгая – на глубоком фоне еврейского прошлого – история русско-еврейских отношений окрашена в драматические тона. Преобладают два цвета: красный – крови, черный – траура. И не нужно быть Солженицыным, чтобы открыть это обстоятельство городу и миру. Солженицын, однако же, счел нужным сообщить читателям, что евреи – довольно-таки злокозненное племя, от которого у великой, но простодушной России одна лишь головная боль. И это – все... Дурная, по Солженицыну, получается у России голова, если бесправный «кагал» да горстка богатых жуликов довели великую страну до хронической мигрени, до изнурения, а затем и до беды.

Набор горьких обвинений в адрес евреев носит, впрочем, вполне протокольный характер: спаивали русский народ, бунтовали против царя, охотно влились в разрушительное революционное движение, мешали воевать с японцами и тем самым способствовали позорному поражению, убили Столыпина, плохо себя вели во время первой мировой (хотя встречались среди них и отважные ребята, вроде однорукого Трумпельдора с его георгиевским набором).

Остановимся на Столыпине – это тема куда как не чужда писателю, он посвятил ей немало страниц в «Красном колесе». Как известно, Столыпин был застрелен выкрестом Дмитрием Богровым в Киеве, в театре, в 1911 году. «И, во что даже трудно поверить, – пишет Солженицын, – киевская еврейская община не выступила с осуждением или сторонним сожалением по поводу этого убийства». Трудно в это поверить или нет – но при чем же здесь еврейская община, с которой Богров, приняв крещение, безвозвратно

порвал? Та самая религиозная община, для которой переход ее члена из иудаизма в иную религию является непрекаемым актом позора и равносителен духовной и физической смерти? Но тут, «справедливости ради», следует отметить, что за убийство Столыпина Дмитрий Богров был ненавистен киевской общине в лучшем случае лишь во вторую очередь, в первую же – как предатель религиозного наследия отцов. И ждать от общины какой-либо реакции на действия отщепенца было столь же бесполезно, сколь и бессмысленно.

Как говорится – дальше в лес, больше дров. Киевские евреи, замечает Солженицын, и не подумали благодарить власти за то, что по свежим следам убийства в театре не вспыхнули погромы. Затем автор выкладывает цепочку предположений удивительных: не застрели Богров Столыпина – Столыпин не допустил бы первой мировой войны, не допустил бы революции, не допустил бы, тем самым, воцарения большевиков, их войны с Гитлером, захвата вермахтом Киева. Выстрел в киевском театре, таким образом, подвел киевское еврейство под гитлеровский нож в Бабьем Яру, и этим оно обязано еврею же Дмитрию Богрову... Все это было бы смешно, если бы не было так грустно: сослагательное наклонение, эта каверзная частица «бы», подобно волшебной палочке, обращает потрясающие рассуждения Солженицына в мутную водицу.

К слову, рассуждая о жизни еврейских общин в России, Солженицын нередко ссылается на евреев, принявших крещение, начисто игнорируя при этом тот факт, что выкресты, уйдя от еврейства, занимали, как правило, антисемитские радикальные позиции. Это явление, носящее скорее психологический, чем логический характер, достойно внимания писателя, – однако автор «Двести лет вместе» решительно от него отворачивается.

Итак, спасибо царю Николаю за то, что уберег нас от киевского погрома в 1911 году. Но погромы все же были, этот факт трудно отрицать. Одна часть подданных громила и убивала другую не потому, что Рабинович сполл Иванава, а Абрамович обжулил Петрова, – а потому, что «Бей жидов!». Бей всех евреев подряд, изводи проклятое племя под корень – ну и, разумеется, грабь награбленное. И что-то не слышно было серебряного голоса царя, осуждающего насилие. А если избиваемые вопили, оборотятся ртом к Западу, – плохо: Россия предстает перед миром в дурном свете... Это Солженицын журит евреев за то, что выносят сор из избы. А как же быть с его знаменитым, справедливейшим: «Нет в мире внутренних дел, есть лишь министерства внутренних дел»!

Изумление, если не шок, вызывают рассуждения автора «Архипелага ГУЛАГ» о предполагавшемся переселении евреев из мест их традиционного проживания на «свободные земли». На хорошие, замечательные земли – плодородные, красивые, такие пустынные! Идея гениально проста: согнать всех евреев черты оседлости и депортировать их куда следует, куда приговорит власть. А если не хочет еврей уезжать из своей Касриловки невесть куда – ну, вот не хочет!.. А это уже мелочи, капризы. Ведь оставляя насиженные места, евреи тем самым дадут возможность коренному населению перенять у депортированных налаженные торговые связи, какое-никакое кустарное производство, безоглядно завязать с вредной пьянкой и начать новую жизнь – обустроенную, зажиточную. И всем, наконец-то, будет хорошо: и коренному населению без евреев, и евреям на целине, среди огородов и полей.

Вслед за свободой духа мы получили в этом мире свободу ног: каждый волен идти, куда ему вздумается; и в этом прелесть дней нашей жизни. Царь Николай и его советчики – не первые и не последние, кто посягнул на эту свободу. Сталин с подручными

переселил немало народов, при транспортировке до половины выслаемых ушли в землю. Чеченцы вряд ли забудут когда-нибудь кремлевского горца, ненависть к которому они перенесли на «русских» вообще. Но кто ж тут будет разбираться, на пороге геноцида! В таком случае неприязнь намеченных к выселению евреев должна была быть направлена против немцев – ведь русский император Николай Второй имел к русскому народу более чем косвенное отношение.

Солженицын характеризует предполагаемую высылку по меньшей мере миллиона евреев как «организованное переселение евреев с места на место». Ну что ж, Сталин тоже вполне «организованно» перегонял кавказцев в Сибирь и в Среднюю Азию, на «новые земли». И аналогия тут напрашивается сама собою. Что ж помешало осуществить благотворное «организованное переселение» евреев при царе Николае? Солженицын объясняет: разболтанность и слабость бюрократического аппарата, еврейские взятки начальству. При Сталине, не хвати его удар в марте 1953-го, ничто бы уже не помешало: ни взятки, ни бюрократическая расхлябанность.

Не без оснований связывает Солженицын российское еврейство с практическим палестинофильством, сослужившим добрую службу политическому сионизму. Не от хорошей жизни не забывали русские евреи о своей библейской родине, но не стремление получше «устроиться» подняло молодых билуйцев, повело их в палестинские малярийные болота (БИЛУ – ивритская аббревиатура от «Вставайте и идите»). На поиски свободы, которой они лишены были в России, пустились молодые идеалисты за тридевять земель – на родную, сочившуюся в незапамятные времена медом и млеком; и удобное «устройство» занимало их в последнюю очередь. Билуйцы, пишет Солженицын, «кое-как обосновали первую колонию в Палестине» – но равнины им мешали, «требовали, по древнему обряду, прекращать обработку земли каждый седьмой год». Коварные равнины, бедные билуйцы! Как будто русские крестьяне не пользуются этим приемом, этим «древним обрядом» – не дают земле-кормилице отдыха! Что же означает тогда «земля под паром»? «Поле, – объясняет С.И. Ожегов в своем “Словаре русского языка”, – оставленное на одно лето незасеянным для очищения от сорняков и удобрения почвы». А четырехтомный «Словарь русского языка» АН СССР приводит и литературный пример, цитируя Ивана Бунина: «Взгляд его упал на пары возле усадьбы, густо усеянные желтым донником: на его парах пасся мужицкий табун!».

А вот и вывод из рассуждения о палестинофильском движении в России: у еврейской молодежи, пишет Солженицын, «чем ехать устраиваться куда-то далеко за море – есть возможность утвердиться в этой стране. И такие доводы не могли не поколебать многих своей отчетливой ясностью. Верно. Поколебали. Но в конце позапрошлого века сионистов была лишь горсть, а то и щепотка. И именно эта щепотка, а не «многие» – а иначе и не бывает, – привела столетие спустя к массовой эмиграции евреев из России, эмиграции «многих». Привела к тому, что «двести лет вместе», так и не ставшие братским союзом, похоже, подошли к концу.

«Утвердилось говорить: преследование евреев в России, – пишет Солженицын. – Однако – слово не то. Это было не преследование, это была: череда стеснений, ограничений – да, досадных, болезненных, даже и вопиющих». Вряд ли кто и в микроскоп разглядит разницу между «вопиющими стеснениями» и «преследованием». Не о гоньбе же с собаками, не о преследовании дикого зверя ведется речь! Трудно все же уподобить русское еврейство кровожадному волку, терзающему беззащитных овец в тесной кошаре. А по Солженицыну получается: легко. По Солженицыну получается, что две равновеликие силы вступили в борьбу – русские и евреи. Что развязал атаку «малый народ», прикрываясь надуманным и вредным лозунгом о «еврейском равноправии».

Горькую улыбку вызывает эта уверенность у людей, знакомых с проблемой не понаслышке. За пятьюстами страницами «Двести лет вместе» вырисовывается жуткая картина противостояния двух богатырей, двух Голиафов. Эти бойцы гремят своими железными, размахивают мечами, топчут землю тяжелыми лапами. Преимущество – стыдно сказать – на стороне еврейского Голиафа... А реального, в весе мухи Давида нет на этой картине, не выглядывает он из-за репейного куста, не раскручивает свою пращу.

В этом уверенном размещении на одной исторической доске великого русского народа и еврейского национального меньшинства – первая и главная ошибка Солженицына: слишком уж неравнозначны величины. Писатель пользуется своими собственными весами, своими собственными гирями – это его право. А историк, в роли которого выступает Солженицын в «Двести лет вместе», этого права лишен: лишь проверенные факты полновесны. Что же касается выводов, то это дело совести и убеждений. По прочтении «Двести лет вместе» у меня сложилось впечатление, что Александр Исаевич Солженицын придерживается убеждений антисемитских.

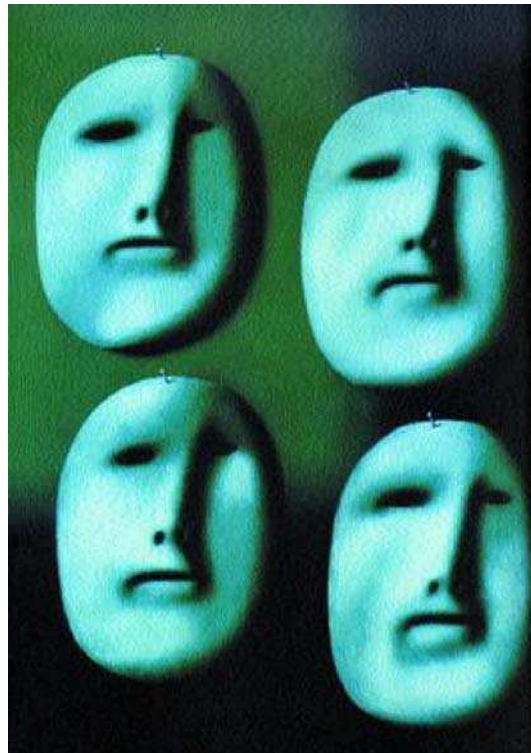
Но от этого, впрочем, ни «Матрёнин двор», ни «Иван Денисович», ни «ГУЛАГ» не становятся хуже ни на йоту.

ВСЕ МЫ НЕМНОГО АЙСБЕРГИ

יֵאָדְעִי עֵי דְאֵעִיָא

Заметки подписчика

Неожиданным поводом для заметок стал фрагмент воспоминаний «Атоса Советского Союза». Как пояснил во врезке отдел культуры, издательство «Вагриус» выпускает в серии «Мой XX век» мемуары Вениамина Смехова «Театр моей памяти».

Удовлетворенный успехом старинного приятеля, читаю фрагмент главы «Нетихие зори Таганки» (№15). И наталкиваюсь: «В 1967 году критика Марлена Кораллова, что называется, поймали на слове в некоем “толстом” журнале. “Вам не понравилась “Жизнь Галилея” на “Таганке”? Будьте добры, напишите! Статью в размерах не ограничиваем...”. Соблазняемого давно не печатали и, главное, “Галилей” ему не понравился, впервые с ним такое на “Таганке”... Стоп!»

Последнее слово у меня сомнений не вызывало. Стоп! Все другие слова и строки – недоумение, переходящее в ужас. Кто меня соблазнял? Что я выдал о «Галилее»?

Да, я писал главу о Брехте для учебника зарубежной литературы. (Надеюсь, пылится на полке.) Да, рецензировал томик о Брехте в журнале «Театр». (Отыскивать сейчас эту рецензию – работа для безработных.) Но зачем отыскивать, раз я уверен: ни в учебнике, ни в журнале «таганский» спектакль не упомянут. Неужто склероз переползает в маразм? А казалосьсь...

Однажды я занял очередь в «Гастрономе» на Покровке. Впереди стоял почтенный господин с резко скошенным подбородком. Целую зиму истязал меня этот

Скошенный. И однажды весной, проснувшись чуть свет, я вспомнил: в детстве, перед войной, в трамвае отводил я глаза от этого Подбородка. Что он делал, треклятый, в моем мозжечке полвека?

Перебираю встречи с «Атосом Советского Союза». Был он когда-то Веничкой, молодоженом. Изредка пересекались с ним за кулисами «Таганки». Чаще – у дорогих нам знакомых, коротавших жаркие дни на станции «Отдых» по Казанке. Вместе с Юрием Любимовым и всей честной компанией отправлялись во МХАТ чествовать Олега Ефремова. Последняя встреча состоялась у Владимира Войновича. Зарежь меня, «Галилея» не помню. Да и зачем вспоминать?

Через денек-другой раздался, однако, звонок приятеля, между делом задавшего вопросик: «Так я не понял, ты соблазнился и раздолбал “Галилея”?» Еще через пару дней я тоже между делом учинил допрос с пристрастием другому подписчику, грамотному не меньше, чем первый: «Как ты понял, писал я о “Галилее”?»

– Понял, что не писал.

Наваждение. Вчитываюсь в строки мемуариста и убеждаюсь: Александр Дюма не повинен. Его Атос не лукав. Коварен наш совковый Атос, ибо не утверждает, что я согрешил, но при этом великодушно прощает мне грех: ведь бедняжку давно не печатали! Все же спасибо доброму человеку из таганского Сезуана. Как раз мною он иллюстрирует концепцию о «гласности в одни ворота», о противоборстве вкуса и совести...

Жаль не родич я Зигмунду Фрейдю и не в силах постичь, отчего Веничка создает туманности Галилея и забывает реальный факт, работающий именно на его, Смехова, идею.

Докладываю. На рубеже семидесятых «Новый мир» напечатал три замечательных повести: «Обмен» Юрия Трифонова, «Белый пароход» Чингиза Айтматова, «Сотников» Василя Быкова. Поздней умница и красавица Лариса Шепитько выпустила лучший свой фильм – по Быкову. Получила в Берлине Золотого Медведя.... По мотивам «Сотникова» Юрий Любимов поставил спектакль на Таганке.

Каюсь, соблазнился, решил проследить метаморфозы, происходившие, когда из жанра повествовательного «Сотников» переходил на киноэкран, на театральные подмостки. Предложил очерк журналу не толстому, а средней упитанности – «Литературному обозрению», проще – «Лит-обозу». Надежда Железнова отправила очерк в набор. Но поэт, отработавший годы в ЦК КПСС, главред Леонард Павлинский предъявил ультиматум: я выбрасываю «любимовскую» часть, а иначе он выбрасывает статью в корзину.

Не люблю, когда меня ломают через колено. Решил я, что скромненькая трилогия, истекая кровушкой, перерубленная, унизиться до дилогии все-таки не захочет. Гордая, она где-то в папочке покоится по сей день. Уже не гордая. Предлагаю каждому. Печатайте.

Чтобы загасить конфликт со славным мушкетером, коснусь второго отрывка из его мемуаров, посвященного Параджанову: «Это – Сережа» (№ 18).

С зэком по крови и судьбе познакомил меня в Тбилиси дружок полувековой давности – дай Б-г ему здоровья – солагерник мой по Майкудуку, на воле родивший

роман «Дата Туташхиа» Чабуа Амирэджиби... С Василием Катаняном – царствие небесное! – с почтенной его супругой Инночкой познакомился я задолго до того, как родили они мемуарный памятник, которым увековечен Параджанов... Главку о Параджанове, исполненную Аллой Демидовой в «Континенте» (№05, 2000), тоже имел честь прочитать...

Не хочу лукавить: прелестью новизны мемуарный отрывок из «Театра моей памяти» не поразил. Зато он дает возможность заявить честно, как на духу: во фрагменте все – правда. Только правда. Разумеется, не вся правда, но где же и когда ее, сердечную, видали?

Эссе о Параджанове побуждает пристальнее взглянуть и на явно обострившиеся сейчас черты нашей мемуаристики.

На одной газетной полоске Атос согнал до кучи Луи Арагона, Лилю Брик, Эльзу Триоле, Льва Кулиджанова, Юрия Никулина, Владимира Высоцкого, Роберта Стуруа, Отара Иоселиани, Эдуарда Шеварднадзе, академиков Зельдовича и Капицу, Беллу Ахмадулину и Мессерера, Иннокентия Смоктуновского и космонавта Гречко, Папу Римского – уф! Зачем согнал – достаточно ясно.

Сверкая на ночном небе, звезды освещают своими лучами и тех, чей взор устремлен к ним. Отрывают от постылой земли, возносят звездочетов в царство немеркнувшей славы. Что ж, дорогой мой Дюма Смехович, купайся в ее лучах, я вовсе не против. Поверь, чувствую: на просторах России в ней острейшая нужда.

Перестройка, ломая прежнюю идеологию, экономику, расколов Страну Советов, побуждала и побуждает круто реформировать совковые биографии. Сплошь и рядом мемуары сейчас для того и пишутся, чтобы прикрыть густой тенью неприглядные стороны прошлого и выветрить, а если очень надо и хочется, то выдумать другие – светлоблагородные, отважногероические. Но как их выдумать, вроде бы пробиваясь к истине? Как добраться до ореола, подняться до мифа? Проще простого. Чтобы поднять себя, следует опускать других, желательно покойников. Не возропшут, не отмахнутся. Свобода, блин, свобода...

Известно, древние римляне настаивали: «О мертвых или ничего, или хорошо». На их устарело-римский взгляд, раз покойник не в силах защищаться, то нападать на него недостойно. В переводе на русский: «не бей лежащего».

Не бей?! Да плевать на цицеронов, на кодексы их и правила. А заодно и на русскую (христианскую, что ли?) нравственность. Сподручнее бить как раз покойников.

Подписчик и зритель, я ведущему рубрику Стародуму предан не меньше, чем Атосу. К сожалению, не могу поклясться, что прочитал три десятка его книг и сотни (если не тысячи) статей. Ограничусь здесь лишь последними из его публикаций.

В феврале, в № 13 «Новой газеты», Стародум или проще – Станислав Рассадин напечатал отрывок из книги «Самоубийцы» со знаменательным заголовком – «Страх». Во врезке к полосе поэт Олег Хлебников, возглавляющий отдел культуры, подчеркнул, что предлагаемый в книге социально-психологический анализ литературы и жизни в советский период заслуживает изучения. Осмысления.

Совершенно согласен.

Однако споткнулся я на первом же столбце, на слове «дуэль».

В начале шестидесятых журнал «Юность» напечатал – шутка сказать – «Звездный билет» Василия Аксенова. Молодой в ту пору Стародум ведал в «широкошумном» журнале критикой. Помнит, что роман вызвал «ярость» особо темпераментной части родного цеха. Официозные перья пронзали «Звездный билет» насквозь – за жаргон, за дерзкий, без спросу у старших побег недорослей на прибалтийский курорт... Фронда! Как было не вступиться доброму молодцу?

Не спорю, поступок отважный, но все-таки на дуэль не очень похожий. Ясно же, что «за», а не «против» Аксенова стояли маститые члены редколлегии и напечатавший «Звездный билет» главный редактор – сам Валентин Катаев. К слову, хрущевская оттепель тогда еще окончательно не сдала позиции осенним заморозкам: «Иван Денисович» появился на свет в ноябре 1962-го.

Но дальше. Среди противников романа Стародум выделяет секретаря ЦК КПСС, «почти второго Сулова» – Леонида Ильичева. Вслед за ним – Ираклия Андроникова. Никуда не денешься: раз они двое вызваны к барьеру, то к дуэлянту возникают вопросы.

Отличный знаток литературы «золотого века», мой однокашник, выпускник МГУ, Станислав Рассадин не может не знать, что офицер русской армии вызывал на поединок оскорбителя его чести лишь в том случае, если последний был дворянином. Неважно, богатым или бедным, военным или статским, но дворянином. Мужичка, заслуживающего, на взгляд барина, кару, отсылали на скотный двор, повелев домашнему Малюте Скуратову поучить недоумка розгами.

«Почти второй Сулов» относился, несомненно, к высшей знати. Ираклий Андроников еще при Горьком осилил крутые ступени социерархии, хотя никогда не входил в чиновную элиту... Так сложилось, что я – среди очень многих – знал Ираклия Луарсабовича, жену его, Вивиан Абелевну, дочерей; нечасто, но бывал в квартире на Кировской, затем на Тверской, в последней – на Астраханском. Лет за пять до переезда автора «Крутого маршрута» в Москву, еще во Львове, познакомился я с Евгенией Гинзбург. Чуть позднее – с Василием Аксеновым. Не мог у меня не возникнуть с Андрониковым разговор о «Звездном билете». Ираклий Луарсабович был не только знатоком Лермонтова, но и тончайшим знатоком механизма нашей общественной жизни. Его трактовка «дуэли» не совпадала со стародумовской.

Готов согласиться, дуэль – всего лишь метафора. Стоит ли толковать о ней? Стоит, потому что портрет «испуганного необратимо» Ираклия сопровождают слова о сострадании: «одной из причин испуга был арест. Недолгий, но был».

Забавно и грустно. Сострадающим смельчакам невдомек, что кратчайшего из тогдашних арестов хватало, чтобы людей превратить в гвозди, а гвозди забить по шляпку. Для уточнения деталей Стародуму не вредно было бы позвонить младшей дочери Андроникова Катеньке, теперь, конечно, Екатерине Ираклиевне (вдовы, Вивиан Абелевны и старшей дочери – Мананы – нет на свете). Как знать, возможно, после беседы удалось бы отретушировать портрет одного из «самоубийц».

Очень они разные.

Трижды Героя Социалистического Труда, министра вооружения, создателя атомной мощи державы Бориса Львовича Ванникова Сталин в добрые времена не дрогнул отправить в тюрьму. И в оборонном ведомстве дела пошли через пень-колоду. Понял Усач, что крупно перебрал. Вызвал арестанта из камеры в кабинет.

— Аклэвэтали падлэцы!

Великий вождь одарил лист бумаги одной строкой. И подписью, заставившей Ванникова снова впрячься и тянуть страшный воз до конца дней своих. Видел я этот листок собственными глазами.

Эх, скоро – и тугодумы! Кто не грешен, пусть бросит в самоубийцу свои камушки.

Чтобы бросить метко, Стародум подыскал себе союзников – Анну Ахматову, Бориса Пастернака, Евгения Шварца. Обеспечил свою победу на дуэли присутствием звездных секундантов – Корнея Чуковского, Вениамина Каверина, Виктора Шкловского. Мало того, давний спор о «звездном билете» приподнял на высоту философско-историческую, чтобы оценить тип советского интеллигента. «Не монстра, вроде Софронова, а человека с репутацией порядочного, однако, испуганного необратимо».

Опять знакомая тема. Полвека назад познакомился я в Казахстане, в центральном лагунке Песчанлага, с Аркадием Белинковым: самым яростным из воителей, готовых дено и нощно швырять камни в Тынянова, Олешу, Сельвинского, Шкловского... В кого угодно из тех порядочных, чья доблесть большей частью заключалась не в отважных поступках, а в стремлении уклоняться от подлых. За бараками и на нарах, в спорах, продолжавшихся годы, а после девятого вала реабилитации вновь начавшихся в Москве, я успел взвесить-перевесить, кажется, все мыслимые доводы «за» и «против» неутолимой жажды подозревать праведников, клеймить виновных. Честно говоря, жевать эту жвачку вновь здорово надоело, хотя знаю твердо: суд потомков необходим, неизбежен.

Дочитав «Страх», где к грехам Сельвинского Рассадин добавляет тяжкие вины Шкловского, я поначалу решил, что обременять «Новую газету» старыми байками нет острой нужды. У всей прессы забот нынче сверх головы. Но вскоре после «Страха» я натолкнулся на эссе «Прощай, театр!» (№ 251, где родной уже Стародум сделал суровый выговор Пастернаку и Корнею Чуковскому за их постыдный, продиктованный опять-таки страхом сталинизм).

Поскольку в книге «Самоубийцы», наверное, еще десятки глав, подписчикам надо готовиться к курсу развенчания покойников, не так ли?

«Прощай, театр!» завершается публицистическим пассажем, в котором гражданское кредо автора.

«Не ерничаю!» Говорю «от лица тех, кто не спешит в оппозицию, полагая, что она еще не позиция»... Фразочка броская, но жаль – с длинную бородой и по сути своей вряд ли верная.

«То есть чего у меня лично нет, так это антипрезидентского азарта: по мне, хуже профессионального революционерства только профессиональное угодничество – вот о нем-то как раз и речь»...

Боюсь, маэстро, не всякого подписчика проведешь на мякине. Есть битые книгочеи и глотатели прессы, способные отличать мелкие и мутные потоки революционерства от революционности глубокой, оплаченной дорогой ценой; профугодничество – от заблуждений трагических, от обреченности.

Не отрицаю фактов. Во втором томе дневника Корнея Чуковского, изданном внучкой его, Еленой Цезаревной семь лет назад, есть запись: «Вчера на съезде сидел в 6 или 7 ряду. Оглянулся: Борис Пастернак... Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев и Сталин...» Стародум обрывает цитату на строчке: «Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем».

Спрашивается, отчего Стародум не указывает, что эта запись в дневнике сделана 22 апреля 1936 года? Отчего не замечает, что в 37-м первая запись сделана не в январе, а 1 апреля, в день рождения, и весь 37-й умещается в четыре странички, а 38-го года нет вообще, 39-й занимает одну страницу, тогда как иные годы потребовали пятидесяти, шестидесяти страниц...

Следуя методу ведущего рубрики, проще простого предъявить счет в профугодничестве Анне Ахматовой, Осипу Мандельштаму, Александру Твардовскому. Признаю, в отличие от них Стародум вирши Сталину и о Сталине не писал. А если изредка прикасается к дневнику, то следов страха и трагических заблуждений в нем, очевидно, поменьше, чем в дневнике, который Чуковский начал вести в 1901 году.

Мысль, по-моему, не требует пояснений, но кто знает, выдастся ли впредь случай извлечь подробности, когда-то упрятанные на дне колодца уже продырявленной памяти?

Стародум уличает Сельвинского и Шкловского, поздравивших из Ялты Пастернака – лауреата Нобелевской, – а через день поспешивших в местную газетку доказывать свою верноподданность. Было дело. Потому что хорошо знали, с кем имеют дело. Но как раз подобные дела у всех на виду, весь их смысл в публичности, тогда как потаенными сплошь и рядом оставались иные дела – добрые, отважные, фрондерские.

Одноделец Аркадия Белинкова, некто Эльштейн (Г. Горчаков), мемуарничая в «Русской мысли», воскликнул: быть не может, чтобы Виктор Шкловский (их преподаватель в Литинституте) вступился за своего студента, когда того отправили на Лубянку. Но вступился! За Белинкова, а не за Эльштейна. Нет, не писал в гэбуху. Искушенный и битый, отправил доверительное послание цекистскому графу Алексею Толстому, убежденный, что почта ему насквозь просвечивается лубянским рентгеном. Само собой, в 1944 году, на исходе войны и собственной жизни, всесильный граф не стал бы мараться, защищая студентика. Однако Шкловский совершил смелый и трезвый поступок.

Совершенно я согласен со Станиславом Рассадиным, который на три или пять эпох обошел Ахматову и Бабея, Пильняка и Бруно Ясенского, тысячи плененных и убиенных Временем, вряд ли уже ушедшим.

Одного не могу понять: неужто умудренный Золотым и Серебряным веками Стародум действительно не видит, что его перепуганные и трижды грешные персонажи на порядок значительней нынешних рыцарей без страха и упрека. Что в них еще жива Культура, переживающая сейчас вселенский кризис. Что как раз Самоубийцы – духовное богатство России, последнее и ценнейшее из пока нерастраченных.

Сожжем нефть и газ, отравим воды, вырубим леса, оглушим себя наркотой и алкоголем, подорвем себя террором, спидом, Чернобылем, но до той поры останемся живы, пока не затопчем могилы отцов и дедов.

Давай, Новодум, по-братски: бери себе XXI со всем его постмодернизмом, а я, Стародум, позабочусь о сотне томов «Литнаследства».

*P.S. xóùí á çàúé... Í áääáí á Óáí ò ðáéüí îí áíí á èè ò áðá ò í ðí á ñ ñ ò í ý èñý
áá:áð í àí ý ò è Èèüè Ñáéüáè í ñéíã. Èííá:íí, ÷ è ò à è è ñíí ñ è è è. Í áí í è ç í è ð á úú ò í
í àí èí áí í äéý áí ðí áã èí è è áè:*

Æèçíüí îý ó áññ ò í áðáä

ãèàçàí è:

Í ó, à í í íã èüçí àá ò á

í í áé?

Óí èüéí ò í, ÷ ò í áí á áðæ à è

ýèçàí áí

Á ñ í í è ù á è è à ñ è ÷: áí è è ð

ò áí áé?..

Ðúñéé èè, í í ðáææ á ò è è è

ò ó ðí é,

Áí ðí í áí é,

Ðú áá: è à,

È è è áñ,

ß áí é á á, áí é á ó á ò áí ð

é ó è ü ò ó ð á,

Ý ò í á ú á á ò, á ú á á ò -

à ñ á é: áñ ñ é í áí í á éí á á ð á

á ñ á á á è í á í à ý,

Í ðí í í ó ó ñ áí ð áñ è ó á é ç í ó

Í á á áí áí é á é áí ñ è ò í áí á

ἰκάνῃ ἀγ,

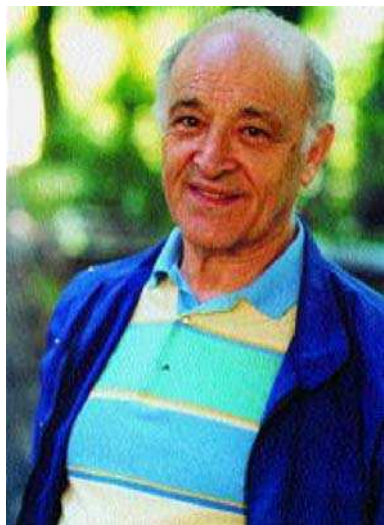
Ἄ ἄῖῡἰἰἰ ὀῖῖἰἰ ἂ ἄῖῡἰἰ ἰ ἰ

В оформлении использована картина

О. Целкова «Маски».

ПРОГУЛКИ ПО НОВОДЕВИЧЬЕМУ

Соломон Кипнис

Автор – Кипнис Соломон Ефимович – инженер, журналист, заслуженный работник культуры РСФСР.

С 1955 года работает в журнале «Наука и жизнь».

Светлой памяти Алочки, моей незабвенной жены, посвящаю эти записки.

Память, ты рукою великаниши

Жизнь ведешь, как под уздцы коня,

Ты расскажешь мне о тех, что раньше

В этом теле жили до меня.

Л. Гумилев

От автора

Но кто мы и откуда,

Когда от всех тех лет

Остались пересуды,

А нас на свете нет?

Б. Пастернак

– Неужели никто до вас не описал столь известное кладбище, как Новодевичье? Что побудило вас взяться за составление некрополя?

Без таких или похожих вопросов не обходилось практически ни одно интервью, которое брали у меня для газет, радио, телевидения. Спрашивали об этом и в аудиториях, где я рассказывал о создании некрополя.

На недоуменное: «Неужели никто до вас?» отвечал одним словом: «Никто». А ответом на вопрос: «Что побудило взяться?» служил рассказ о двух событиях.

... 1971 год, 11 сентября. Умер Никита Сергеевич Хрущев, бывший первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР. Газеты, радио, телевидение хранили молчание. Узнали люди об этом только в день похорон, 13 сентября.

Скупое газетное сообщение, в котором даже от традиционных слов «с глубоким прискорбием» оставили лишь «с прискорбием», умалчивало и о дне похорон, и об их месте. Таинственность такая была излишней, ведь сообщение могло дойти до людей в лучшем случае одновременно с похоронами, а то и позже похорон (они состоялись буквально через несколько часов после выхода утренних газет).

Но власти решили подстраховаться и отменили в тот день все маршруты городского транспорта, которыми можно было доехать до места похорон – Новодевичьего. А тех немногих, которые, узнав о случившемся («вражьи голоса» уже 11 сентября сообщили о смерти Хрущева), все-таки смогли добраться до кладбища, ждала бумажка на воротах: «Сегодня кладбище закрыто. Санитарный день».

Надежность понимания этого объявления гарантировали милицейские оцепления, солдаты и бронетранспортеры.

Непонятный страх правил властью перед мертвым экс-главой страны, которого бывшие его друзья и соратники «демократически» освободили от всех постов и семь последних пенсионных лет жизни держали, по сути, под домашним арестом.

От страха, замешанного на недоверии и неуважении к собственному народу, власти предержавшие сделали все, чтобы как можно тише и побыстрее предать земле тело Хрущева. И в этом они преуспели. Родных предупредили, что похороны будут неофициальные, семейные, а потому и без траурного митинга. Провели, мол, панихиду в морге и хватит. Начальство на всякий случай даже распорядилось убрать с ритуальной площадки постамент для гроба и трибуну!

Но несанкционированный ритуал все-таки состоялся. Гроб поставили на принесенные стулья, а трибуной служила куча земли от вырытой могилы. Траурное прощание открыл и вел сын Хрущева – Сергей.

Родных, близких и лиц случайных (из числа тех, кто прошли по пропускам как имеющие здесь родственные могилы) набралось всего человек тридцать, от силы сорок, и

еще с десятков иностранных фотокорреспондентов, добившихся права присутствовать своей настойчивостью. И на каждого у могилы – по три-четыре «человека в штатском». Самым высоким лицом «от партии и правительства», которому надлежало не скорбеть, а следить, чтобы все прошло, как задумали власти, был зам. управляющего делами ЦК КПСС!

В числе тех немногих, кто провожал Никиту Сергеевича в последний путь, был и я. Объясняется мое присутствие просто. В журнале «Наука и жизнь» отделом биологии тогда заведовала Рада Никитична Аджубей, дочь Хрущева, а я заведовал отделом техники. Вместе мы работали уже более 15 лет, и неудивительно, что в такой горестный для нее день друзья были рядом.

... После похорон пошел бродить по кладбищу, на котором раньше никогда не был. Впечатление от увиденного оказалось столь сильным, что уже на следующий день отправился в библиотеку в надежде обстоятельно познакомиться с историей Новодевичьего, узнать, кто покоится там.

Каково же было мое удивление, когда выяснил, что некрополя Новодевичьего кладбища вообще нет! В это трудно было поверить. Не оказалось и некрополя Новодевичьего монастыря, откуда берет начало современное Новодевичье. Правда, есть трехтомный «Московский Некрополь», но издан он в 1904–1905 годах, да и содержит лишь выборочное описание московских кладбищ, в том числе и Новодевичьего монастыря.

После посещения библиотеки и появилась у меня мысль о создании печатного некрополя «Новодевичий мемориал». Но вернулся к ней лишь много лет спустя.

... В 1984 году на Новодевичьем похоронили моего близкого друга, профессора математики В.Е. Шнейдера. И каждый раз, когда приходил к нему, убеждался, какой огромный интерес проявляют москвичи и гости столицы к Новодевичьему мемориалу. Пожалуй, только Московский Кремль и Третьяковская галерея могут сравниться с этим некрополем по числу посетителей.

Удивляться приходилось не этому. Ведь здесь покоятся тысячи людей, прославивших Россию своими трудами, подвигами, и потому достойных особой, исторической памяти. Удивляться приходилось тому, что Новодевичье кладбище, ставшее со временем самым знаменитым в России, своеобразным пантеоном целой эпохи, не имеет печатного памятника.

Удостоверившись, что за прошедшие годы он так и не появился, я окончательно укрепился в решении взяться за создание полного некрополя Новодевичьего монастыря и Новодевичьего кладбища.

Почти десятилетняя работа завершилась изданием в 1998-м книги под названием «Новодевичий мемориал».

Львиная доля времени ушла на то, чтобы найти ответ на вопрос: «кто был кем?» каждый из 27 тысяч похороненных.

Поиски велись в архивах, музеях, библиотеках, были просмотрены тысячи источников: газеты, журналы, адресные книги, энциклопедии, научные монографии, мемуары... Но особенно много сведений сообщали родные и близкие умерших. Вся

собранная информация, обработанная и сжатая (когда, конечно, было, что сжимать), и составила главное содержание некрополя: описание захоронений.

За пределами очень кратких биографических справок остались малоизвестные, а порой и вовсе неизвестные факты, рассказы об удивительных скрещении судеб, о трагических событиях, недоказанные, но и не опровергнутые версии происшедшего, подробности, дающие пищу для размышлений, любопытные истории, связанные с надгробными памятниками.

Предполагал, что многое из оставшегося «за бортом» заслуживает внимания читателя и может стать своеобразным дополнением к фактически справочному изданию «Новодевичий мемориал».

«Браться за перо» (садиться за компьютер) мне настоятельно советовала жена. В ее правоте меня убеждала и реакция друзей, в кругу которых при каждом удобном случае я эмоционально разгружался от переполнявшей меня информации, облакая ее в форму устных рассказов.

«О мертвых или говорят хорошо, или молчат». Это изречение стало своеобразным выражением нормы нравственного поведения в быту.

Существует, однако, и прямо противоположное изречение: «О мертвых только правду или ничего». Оно отражает столь же нравственную норму поведения, когда речь заходит о событиях общественных.

Ясно, что, решившись на описание некрополя в «интерьере истории», я тем самым predetermined и выбор второго изречения в качестве критерия при оценке и отборе материала для будущей книги.

При этом сознавал, что коль каждый вправе для себя сам устанавливать границу дозволенного вторжения в описание жизни близких, то не исключено и появление «обиженных» читателей (кавычки указывают на отсутствие в этом авторского умысла).

Из фактов, выдержавших проверку на достоверность, я постарался выбрать те, которые, если и известны, то не очень широко. Цель такого, конечно, субъективного подхода самоочевидна: сделать книгу интересной для как можно большего числа читателей.

Тем, кто посчитает, что решить эту задачу автору не удалось, заранее приношу свои извинения.

Одновременно прошу и снисхождения, учитывая, как сильно зависят от возраста, образования и профессиональных интересов читающего границы между «неизвестным», «малоизвестным», «известным» и «широкоизвестным».

Обдумывая название будущей книги, я обратился за советом к глубоко уважаемому мною писателю, близкому мне человеку Даниилу Данину.

Выслушав мои варианты («В лабиринтах памяти», «Новеллы Новодевичьего», «Прогулки по Новодевичьему») и связанные с ними сомнения, он спросил:

– Кто вы по профессии?

Удивленный таким вопросом, ведь мы хорошо знакомы и много лет, я ответил:
– Вы же прекрасно знаете! Инженер, журналист.

– Нет, не об этом я. Как бы вы назвали свою профессию по отношению к некрополю, которым занимаетесь, о котором пишете? Не гробокопатель же вы. А кто тогда?

И мой ответ «сконструировался» мгновенно: Некрополист!

– Прекрасно. Родилось новое слово, столь же законное как, например, эссеист, новеллист, романист, и теперь остается соединить его со словом «записки» и получится название, которое, по-моему, не только точно обозначит идею задуманного вами, но и привлечет внимание читателя.

Так родилось название книги: «Записки некрополиста». Подзаголовок «Прогулки по Новодевичьему» уточняет место действия.

Признателен всем, кто поддержал идею написания «Записок», кто сообщал факты, интересные для этой работы.

Заранее благодарю всех тех, кто решится прочитать «Записки». Хочу верить, что они не пожалеют о потраченном времени.

(Для тех, кто посетит Новодевичье и пожелает посмотреть описанные здесь захоронения, в конце новелл в скобках указаны их координаты. Для могилы запись, например, (1-1-13) означает, что она находится на участке 1, в ряду 1, место ее 13; для колумбария запись, например, (С 127-7-5) означает, что ниша находится в секции 127, на пересечении 7-го вертикального и 5-го горизонтального рядов.)

ВО ИМЯ НОВОЙ ЮНОСТИ

Гроб с телом Багрицкого Эдуарда Георгиевича (1895 – 1934) в крематорий Донского кладбища сопровождал эскадрон кавалеристов. Это была воинская почеть поэту, воспевшему героику гражданской войны:

Í àñ àí àèèà ì í èí àí ñò ù

à ñ à à è ù ù è í í ò í à,

Í àñ à ò ñ ñ à è à ì í è í àí ñò ù

í à è ò í í ò à à ò ñ è è è à à ..

× ò í á ç à ì è ÿ ñ ò ñ à ÿ

è ò ñ à ñ è ñ ò à è è à,

× ò í á ù ñ í ñ ò ù í í à ÿ

è ç è í ñ ò à è à ç í ò è à ..

Мог ли тогда думать Багрицкий, что эти строки окажутся обращенными в трагическое будущее и его семьи...

Его сын, тоже поэт, Всеволод Багрицкий (1922–1942) добился отправки на фронт несмотря на полную непригодность к воинской службе – «белобилетником» был еще с довоенного времени.

В 1942 году Всеволод, военный корреспондент фронтовой газеты «Отвага», погиб. Его похоронили с воинскими почестями под Волховом, в лесу. В изголовье могилы прибили к дереву доску, на которой его товарищ по редакции художник-линогравер Евгений Вучетич, ставший впоследствии знаменитым скульптором, вырезал:

В à à-í ñ ò è í á í ò è à ì è ñ!

Çà:àì ì áíÿ ïîããáéè?

Ì íá òàè íá ôí òáéïîï

â çàì èþ

Ñëþáéì íé ì íáé çàì èè!

Эти пронзительные строки Марины Цветаевой, которые часто повторял Всеволод, стали реквиемом ему и всем тем, кто в схватке с фашизмом истек кровью во имя новой юности.

На смену павшему в редакцию пришел легендарный поэт Муса Джалиль, который вскоре тоже погиб – раненым попал в плен и был казнен фашистами. Эстафету военных корреспондентов «Отваги» принял писатель Сергей Наровчатов. Ему посчастливилось донести ее до победного дня.

Вместе с мужем и сыном покоится Багрицкая Лидия Густавовна (1896–1969). Ее арестовали в 1936-м, безвинно осудили, и более десяти лет она провела в лагере. Взрослого сына ей так и не суждено было увидеть. Увидела только гроб с его останками, который перезахоронила сюда, на Новодевичье, в могилу отца.

(1-1-13)

БЕЗ ВСЯКИХ ХОДАТАЙСТВ

Разрешение захоронить на Новодевичьем прах Кагановича Лазаря Моисеевича (1893 – 1991), одного из ближайших соратников Сталина, дочь получила довольно просто, без всяких ходатайств.

Ну и что в этом удивительного?

Когда умирал коммунист с партстажем 50 лет, разрешение похоронить его на Новодевичьем давали, как правило, автоматически, а ведь Каганович был в партии целых 80 (!!).

Но...

В 1957-м группа «Молотов, Маленков, Каганович и примкнувший к ним Шепилов» проиграла схватку за власть. Из партии их исключили и лишили высоких постов. До конца дней своих Каганович так и оставался не просто беспартийным, а еще и с клеймом «участника антипартийной группы».

И такого на Новодевичье?

Его дочь все это учла и поступила мудро. В письме в Моссовет она ни одним словом не обмолвилась о деятельности Кагановича, о его былых заслугах, партийном стаже, а просто испрашивала разрешение похоронить его как мужа Каганович Марии Марковны (1894 – 1961) в ее могилу.

Просьба такая была «обречена» на успех. И (по Высоцкому) «... в землю лег еще один на Новодевичьем мужчина..»

(1-10-13)

В ПАМЯТЬ О ДЕДЕ

Миртов О. (1875 – 1939) – мужчина только по псевдониму. «Его» настоящее имя – Розенфельд Ольга Эммануиловна.

Ольга была внучкой П.Л. Лаврова, одного из известнейших идеологов революционного народничества, который для своих публикаций и придумал псевдоним «Миртов».

После смерти Лаврова, о чем Ольга Эммануиловна узнала в Сибири, где отбывала ссылку за «левые» убеждения (наверное, тоже наследственное), она стала свои романы, рассказы, пьесы в память о деде подписывать «Миртов О.».

(1-9-4)